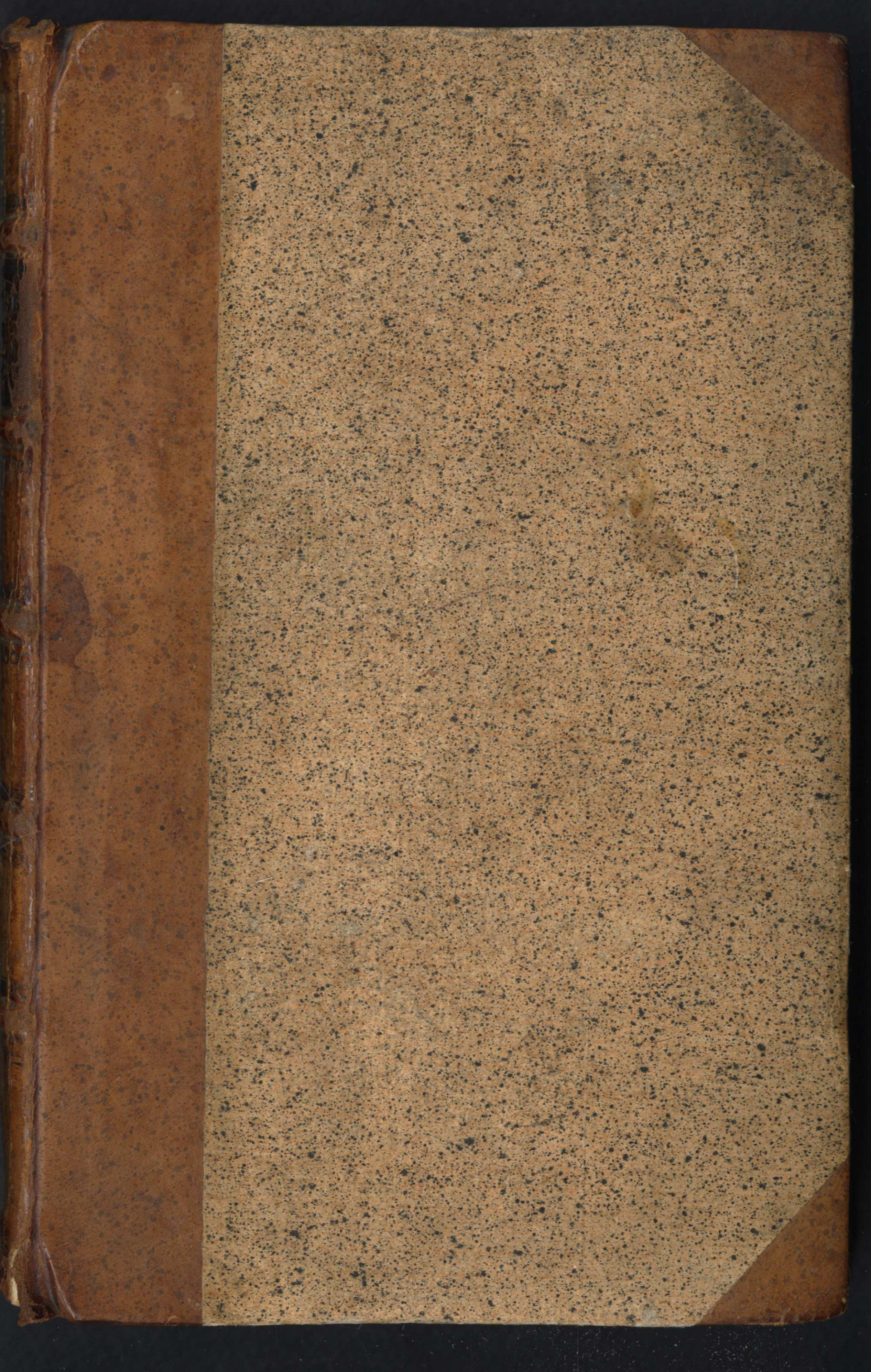

АПОФѲЕГМАТА
ТО ЕСТЬ
КРАТКИХЪ
ВИТІЕВАТЫХЪ
И
НРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ
РѢЧЕЙ
КНИГИ ТРИ,

въ нихъ же положены различные вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и разговоры различныхъ древнихъ Філософовъ.

переведены

съ польскаго на славенскій языкъ.

Противъ перваго изданія четвертымъ тисненіемъ напечатаны

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1765 ГОДА.

КРАТКИХЪ РѢЧЕЙ И ОТВѢТОВЪ

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ.

НЕблагороднаго человѣка дѣло, еже въ очи кого хвалить, а за очи хулить.

Человѣка разумнаго знакъ, ежебы никого до бѣды не привесть.

Доброта безъ разума пуста.

Еже тебѣ есть отъ имѣнія, то такъ держи, чтобъ чужаго не захватывать.

Побѣда безъ бою, не велика слава.

Лакомой безъ прибыли, всегда въ убыткѣ.

Больше вѣрь очамъ своимъ, неже рѣчамъ чужимъ.

Мнози такови суть, иже свое истерявъ, чужое похищаютъ.

Сыну послушну приказъ отцовской не тяжекъ.

Жена добрая рада за мужа умереть, а злая рада его скоряе уморить.

И того ради одному съ женою утѣха и радость, а другому плачь и велїя мука.

Другу такъ добро дѣлай, чтобъ тебѣ безъ убытка было.

Сократъ умирая, такое сотвори къ богу послѣднее свое прошенїе.

Создателю всѣхъ, духъ и премудросте! тебѣ душу мою предаю.

ПЛАТОНЪ, мудрецъ Аѳинейскїй, ученикъ Сократовъ, иже перво званъ бысть Аристонъ, потомъ же отъ широты грудей Платонъ [то есть широкїй], прозванъ бысть. Инїи же отъ пространныя рѣчи имяновали его, зане же всѣхъ человѣкъ Сократовымъ ученїемъ и смысломъ превзыде.

Сей вопрошенъ, коимъ образомъ по себѣ память оставить. Отвѣща:

Подобаетъ прежде сподобитися добрыя славы, да будеши людьми почитаемь, тѣмъ память по тебѣ останется.

Трижды на всякъ день обыклъ бога благодарити, яко родился человѣкомъ, а не скотомъ, яко еллиномъ, а не отъ варварска народа, и яко въ лѣта Сократовы.

Распалаемымъ отъ гнѣва и пьянымъ совѣтова, дабы въ зерцалѣ смотрилися,

либо бы гнусность свою увидя, могли престати отъ нея.

Гнѣвливый человѣкъ зѣло безобразенъ, его же описуетъ стихотворецъ сице:

Уста напряжены отъ гнѣва чернѣютъ, очи полны крове и жилы синѣютъ.

Нѣкогда разгнѣвался на своего челядника невольнаго, и хотѣлъ его бить нещадно, тогда же прилучившуся ученику его Ксенократу, рече Платонъ: иди даждь ему раны, я его наказать не хощу, разгнѣвахся бо.

Нѣцыи больши въ то время гнѣваются, егда наказуютъ своихъ; а Философъ самъ себѣ не вѣрилъ, опасаяся, чтобъ отъ ярости въ наказаніи мѣру не потерялъ.

Егда паки слуга провинился, погрозилъ ему онъ, рекій: естьли бы я не разгнѣвался, то побилъ бы тебя.

Хотящимъ отъ него увѣдати, что разности межъ ученымъ и неученымъ.

Отвѣща: Такова̀ разнь, какова̀ межъ лѣкаремъ и больнымъ.

Антистена, егда о чемъ рѣчь зачиналъ, всегда долгою рѣчью упражняющагося сице оговаривалъ: не вѣси ли, яко мѣру твоей рѣчи той полагаетъ, кто слушаетъ, а не той, кто говоритъ.

Всякому творящему рѣчь, подобаетъ примѣнятися къ слушателемъ, кто не хочетъ на вѣтръ говорить. Понеже стоскнувся слышатель, не таково со вниманїемъ слушаетъ, хотя бы кто и лучшїя вещи долго сказывалъ.

Просящимъ Киринеаномъ, дабы законы имъ предалъ, не восхотѣ предати, повѣдая: не возможно про таковыхъ людей законы уставляти, которые о себѣ много разумѣютъ и высокомудрствуютъ.

Платонъ, занеже бѣ человѣкъ зѣло разума остраго, уставы написа нѣкїимъ народомъ, се есть: Сиракусїаномъ, Критянамъ и инымъ, яко же Солонъ Аѳинянамъ, Ликургъ Спартянамъ, но Киринеанамъ отречеся, видя ихъ быти высокїя мысли.

Нѣкоему Философу, иже его, аки смѣяся, вопросилъ: долго ли учитися восхощетъ, отвѣща: донелѣже не будетъ жаль быть лучшимъ и ученымъ.

Простакъ въ стыдъ почитаетъ учитися въ заматерѣвшемъ вѣку, а Философъ во весь свой вѣкъ въ добродѣтеляхъ и въ ученїи прибавку имѣти тщится.

Сей Платонъ бѣ человѣкъ добродѣтеленъ зѣло, и плотская возжелѣнїя имѣ въ себѣ умерщвленна, иже училъ

человѣку

человѣку не боятися смерти, сіе же и во обычаи вниде Философовъ, смерти не боятися, вящшая бо есть премудрость размышляти о смерти, занеже сугуба есть смерть человѣческая, едина естественная или природная, а вторая отъ добродѣтелей происходящая. Природная есть, егда душа отъ тѣла разлучается: вторая есть, егда человѣкъ премудростію своею вся тѣлесная вожделѣнія побѣждаетъ, и отъ себя прочь отрѣваетъ.

Вопрошенъ, въ чемъ знать возможно премудраго; рече: разумный егда обесчещенъ бываетъ, не гнѣвается; егда хвалимъ бываетъ, не возносится.

По чему люди познаваеми бываютъ;

Отвѣща: Людей и сосуды скляничные единаче познаваемъ: скляничный сосудъ по звуку, а людей по рѣчамъ.

Чемъ бы всегда довольствоватися;

Отвѣща: Лишняго кромѣ нужнаго не желалъ бы, да не будетъ льстецъ чій.

Кто отъ людей крѣпчайшій; рече:

Иже гнѣвъ свой одолѣваетъ, той слабѣе, иже ничего не можетъ въ себѣ утаити.

Да и тотъ крѣпокъ, иже нищету свою умѣетъ покрыти. Сей же воздер-

жательнѣйшій, иже довольствуется тѣмъ, что злыхъ людей нравы сносити можетъ.

Коихъ бы странъ человѣку беречися;

Отвѣща: не буди тамо, идѣже гордость владѣетъ, а ложь въ юныхъ царствуетъ.

Хотящій Князю своему угодити, во всемъ воли его послѣдуй, а у благоразумнаго милость сыскати, то на непристойное дѣло не соизволяй.

Свѣтъ тогда можетъ щастливъ нарещися, егда начальниковъ разумныхъ люди избирать будутъ.

Немогій управити живота своего, иже ему есть единъ, како имать управити многихъ.

УЧЕНІЯ ЕГО СІЯ СУТЬ:

Всякія мудрости основа терпѣніе.

Злые нравы портятъ добрыя дѣла.

Терпѣливъ быть не можетъ, дондеже воли своей не одолѣешъ.

Повѣда, яко душа его о трехъ вещахъ скорбѣла, о богатомъ тщивомъ, въ нищету пришедшемъ, о разумномъ, разума лишенномъ, и о честномъ въ безчестіе приведенномъ.

Гордаго презирай, дондеже гордости лишится.

Месть

Месть всегда зла есть и вредительна.

Подобаетъ начальнику быти инакову отъ людей, аще бо однаковъ будетъ, ни во что его вмѣнятъ люди.

Аще не вдастъ отецъ сына учитися отъ юности добрыхъ нравовъ, таковъ не имать наслѣдити достоянія отца своего.

Великосердъ есть, иже нищетою тяготы не пріемлетъ.

Лучше по смерти непріятелю имѣніе свое оставить, неже въ животѣ у пріятеля чего просить.

АРИСТИППЪ мудрецъ Киринейскій, ученикъ Сократа Философа, вопрошенъ былъ Діонисіемъ мучителемъ, что Философи имутъ лучшее паче прочихъ человѣкъ.

Отвѣща: Аще бы и всѣ законы изчезли, обаче бы люди такіе правдою жили.

Подвластный человѣкъ удерживается отъ порока, боясь остроты закона; а разумніи кромѣ закона, что есть безгодное, того бѣгаютъ.

Тойже вопрошенъ, почто Философи часто держатся у людей вельможныхъ, а вельможные едва когда навѣщаютъ

 ихъ;

ихъ; Отвѣща: Философи вѣдаютъ чемъ они скудны, а вельможные не тако.

Говаривалъ часто, много лучше быти нищимъ, неже глупымъ: ибо тотъ скуденъ токмо деньгами, а сей лишается иногда и о́браза человѣчья.

Совершенно человѣку приличенъ разумъ, ученіе и разсмотрѣніе. Сія кто имать, аще и вельми есть нищь, обаче человѣкомъ есть, не имый же сего, едва нарицатися можетъ.

Вопрошенъ, что ему корысти изъ Философіи; отвѣща: Та мнѣ корысть, что всякому безопасно правду могу говорить.

Философъ истинный не боится смерти, и могущественному правду говорить можетъ, ни опасается милости лишитися, говоря правду: есть бо человѣкъ свободенъ, нечеловѣкоугоденъ.

Услышавъ отъ нѣкоего въ томъ хулящa Философы, что къ людемъ богатымъ учащаютъ, сице отвѣща: Лѣкари къ больнымъ часто ходятъ, однако ни единаго такова нѣтъ, который бы похотѣлъ быть боленъ, но всякъ Лѣкарь быть хочетъ.

Отъ нѣкоего хотящаго вдати ему сына въ наученіе, просилъ 500 драхмъ сребра, отецъ же удивился о многопрошаемой

прошаемой цѣнѣ, и рече: азъ бы невольника дешевле цѣною могъ купить: Аристиппъ отвѣщалъ: сына, егда научится, будеши имѣти два.

Стряпчей нѣкто ходилъ въ судъ за Аристиппа оклеветаннаго, и оправдалъ его.

По семъ свое ученіе стряпческое паче Философіи вмѣняя, рече ко Аристиппу: кая ти прибыль отъ ученія Сократова? аще бы азъ не былъ, то обвиненъ бы ты былъ; онъ же отвѣща: та ми есть прибыль, яко рѣчь, которую отъ меня ты говорилъ въ судѣ, бѣ права, и по сему мою невинность узнали, яко человѣка добраго.

Стряпчей того не можетъ учинить, чтобъ правъ былъ въ неправдѣ, только можетъ представить, дабы и людемъ такъ казалось, а Философія то содѣваетъ въ человѣкѣ, что самымъ дѣломъ будетъ правъ и невиненъ.

Обличали его, что у друзей часто деньги емлетъ, сице на то отвѣщалъ: азъ не сего ради у друзей деньги беру, дабы на мою токмо нужду ихъ истерялъ, но того ради, да научатся отъ меня, на что деньги изживать надобно.

Нѣкогда купилъ себѣ куропать за пять ефимковъ, нѣкто же ему то въ

лакомство вмѣнилъ : рече ему : ты не купилъ ли бы , когда была по грошу? ему же рекшу , добрѣ бы радъ дешево купилъ , и Аристиппъ отвѣща : у меня въ такой цѣнѣ пять ефимковъ, въ какой у тебя грошъ.

Философа обличали лакомствомъ , а онъ явилъ , что не локомство въ немъ было , но презрѣніе денегъ , кто дороговли ради не покупаетъ того , что охотнобъ у себя видѣлъ , тотъ не для того то чинитъ, дабы былъ воздерженъ, но для того , что ему денегъ жаль.

Иногда вопрошенъ отъ нѣкоего , чимъ имѣлъ быть лучши сынъ его , когда бы его отдалъ въ наученіе ; тако отвѣщалъ : естьли больши и ничего не будетъ, однакожъ не будетъ въ зрѣлищи сидѣть , аки камень на камени.

Много тотъ имѣетъ паче иныхъ , кто аще и мало вкусилъ ученіе, за еже скоряе всякое дѣло пойметъ и на достоинство сгодится.

Вопрошенъ , чѣмъ разнится ученый отъ неученаго , сказалъ : пусти обоихъ купно все отъ нихъ отобравъ , нагихъ въ незнаемые люди , и тогда удобно разсудишъ.

Обличаемъ былъ въ томъ , что въ своемъ дѣлѣ къ суду стряпчяго употребллялъ

ляль нанявъ его, а самъ Философъ, даде отвѣтъ, нѣчему дивиться, и пиръ бо когда хочу имѣти, повара наймую.

Поліенъ мудречикъ вшедъ въ домъ Аристиппов, и узрѣвъ жены красноучрежденныя, и пиръ иждивеніемъ уготованъ, начатъ обличати Аристиппа о роскоши, глаголя: сіе нѣсть Философу прилично. Аристиппъ смолчалъ ему перво, аки не слышавъ, потомъ мало помѣшкавъ, рече къ нему: мочноль тебѣ сего дни съ нами помедлить? онъ же не отрекся; рече ему Аристиппъ, почто же хулишъ нашъ пиръ тѣмъ дѣломъ; не то тебѣ негодно, что богато убрано, но что денегъ много изошло.

Походило нѣчто на лицемѣріе пиръ честный похулить, а съ него не ити, таковыхъ Поліеновъ и нынѣ много.

Вопросилъ его Діонисій, Король Сицилійскій, почто оставивъ Сократа Філософа, пришелъ до Сициліи? отвѣща: тоя ради вины, дабы еже имѣю, то инымъ удѣлилъ, а еже нѣсть у меня, то у иныхъ бы взялъ.

А иніи пишутъ, тако его отвѣщавша: Егда требовахъ премудрости, тогда медлилъ при Сократѣ, нынѣ же егда востребовахъ денегъ, къ тебѣ пріидохъ.

Случися,

Случися, яко рече ему Король Діонисій, да скажетъ что отъ Философіи; на то Аристиппъ отвѣщалъ: и то чудо, что желаеши да повѣмъ отъ Философіи, а естьли бы я училъ говорить, то бы самъ меня наказалъ. О чемъ Король разгнѣвался, сѣдя у стола велѣлъ Аристиппу при самомъ заднемъ концѣ сѣсть. Онъ же нимало о томъ поскорбѣ, точію реклъ: нынѣ Королю почтилъ еси то мѣсто, и честно сотворилъ оно.

Малоразсудныи ищутъ мѣста, а разумный не смотритъ на то, понеже малоразсуднаго, хотя бы онъ и близко сидѣлъ, обносятъ, а разумнаго и въ углу видятъ.

Въ нѣкое время попросилъ у Діонисіа таланта сребра, Король же сыскавъ время уловити его, рече: сказалъ ты, что Философу ни въ чемъ скудно не бываетъ?

На сіе отвѣща Аристиппъ, дай только, потомъ будешь претить о томъ. Егда же ему даны были деньги, рече Аристиппъ: не правду ли я рекъ, что Философа не изъиметъ скудость.

Единожды случилось ему плыти моремъ, и узрѣвъ, что корабль тотъ разбойничей, иже на мори людей разбиваютъ, и уразумѣвъ, что о немъ шепчютъ,

шепчютъ, взявъ онъ червонные золотые, и бутто учалъ считать, упустилъ ихъ въ море съ мѣшкомъ, бутто ненарочно, и такъ своимъ языкомъ молвилъ: лучше пропади отъ меня злато, нежели бы я пропалъ отъ злата, и тѣмъ ушелъ рукъ разбойничьихъ.

Потóмъ, какъ ему много надавали денегъ, пошелъ въ путь, егда же слуга отъ жару и отъ тягости не могъ несть, рече Аристиппъ: что сможешъ то неси, а досталь на пути броси.

Повелѣ иногда Діонисій привести предъ него три жены красны, давъ ему на волю, да юже восхощетъ изберетъ.

Онъ же принявъ всѣ три, отвелъ ихъ на переходы, и отпустилъ ихъ, рекій: ни Парису безбѣдно бѣ едину паче другихъ избрати.

О Парисѣ Королевичѣ Троянскомъ пишутъ, яко три [по ихъ тогда зловѣрству] богини: Юнона, Минерва и Венера далися на разсужденія его, кая изъ нихъ лучши. Обѣщающей же первой ему царство, второй премудрость, третіей красную жену. Онъ же Венеру похвалилъ лучше, которая обѣщаніе свое исполнила, исходатайствовавъ ему Елену, отъ которой потóмъ и Троя раззорена бысть по гнѣву Юноны и

Минервы;

Минервы; о чемъ кто хощетъ, чти баснотворца.

Нѣкоему злословящу его, молча иде прочь отъ него, оному же за нимъ въ слѣдъ гонящу, и глаголющу: что бѣжиши и почто? рече Аристиппъ, того для, что ты имѣеши силу злая глаголати, азъ же имамъ мочь того не слушати.

Въ нѣкое время молилъ Діонисіа за нѣкоего друга, видя же яко Король опинается, Аристиппъ нача его ноги лобызать, и тако улучи о немъ же бѣ просяй, то въ немъ нѣкіимъ хулящимъ, яко не лѣть бяше то Философу. Отвѣщалъ: не меня вините, но Діонисія Короля, иже имать уши у ногъ.

Случисяему кораблешествующу въ Коринѳъ, воста зелія буря на мори, и мало не разбитися кораблю, въ томъ страху и Аристиппъ поблѣднѣлъ, то видѣвъ единъ отъ кораблениикъ [морю утишившуся] рече: почто вы Философы, аще и твердите смерти не боятися, обаче бѣдѣ случшейся, пужаетеся паче насъ? на сіе тако отвѣщалъ: сіе въ томъ есть, яко намъ есть не о единой души слово.

Я пужаюся о здравіи Аристиппа, человѣка чести достойнаго, а ты не пужаешься о здравіи плута.

Въ

Въ нѣкое время Аристиппъ иде мимо Діогена, той же бѣ устрояя салатъ, тогда Діогенъ рече Аристиппу, аще бы ты научился сію ядь вкушати, никогда бы мучителю работалъ, а за еже можешь служити, буди невольникъ, а мнѣ лучши простыя яди употребляющу быти вольному, паче укусныхъ въ неволѣ.

АНТИСѲЕНЪ Философъ, ученикъ Сократовъ, единъ путь къ безсмертной славѣ являлъ, се есть житіе благочестное и праведное.

Вопрошенъ бывъ, что человѣкамъ можетъ приключитися всѣхъ щастливѣйшее? Сказа: всѣхъ щастливѣйшее есть въ щастіи умереть.

Той же повѣда, яко любовь братская крѣплши есть паче всѣхъ крѣпчайшихъ стѣнъ.

Онъ же вопрошенъ, что знаменуетъ паденіе коему государству; рече: Егда въ немъ разны злобы, а добра нѣтъ.

Не можетъ тамъ щастливо общенародіе быть, гдѣ ни добрыхъ честятъ, ни злыхъ казнятъ.

Ибо яко почтеніемъ благихъ добродѣтель возрастаетъ, а злоба наказаніемъ исчезаетъ, тако противнымъ обычаемъ

обычаемъ отъ малопочитанія доброта слабѢетъ, а злоба силѢетъ.

Обыкъ глаголати, яко желѢзо ржа снѢдаетъ, тако завистливыи сами сохнутъ отъ своего яда.

Онъ же вопрошенъ, кое ученіе всѢхъ потребнѢйшее; сказа: зла отлучитися.

И сіе глагола, яко человѢкъ разумный не по закону и уставу людскому живетъ, но по правотѢ добродѢтели.

Вопрошаемь, чего ради мало имяше учениковъ, отвѢща: занеже отгоняю ихъ серебряною лозою отъ себя, являя яко за малую мзду не хотяше учити кого. ВозвѢщено бысть ему, что нѢцыи отъ злыхъ хвалятъ его, на то отвѢща: боюся, да некако не осмотрѢвся въ чемъ злѢ поступихъ по пословицѢ:

Отъ злыхъ хвалиму, есть то, хулиму быть.

НѢкто отъ юношей возлюбивъ Антистена обѢща ему вспомогательство учинить, кой часъ корабль съ торгомъ пріидетъ. Антистенъ же взявъ его съ собою на торгъ, и повелѢлъ насыпать коробъ муки, самъ отъиде прочь, торговкѢ же наченшей просити денегъ, показа ей онаго юношу, глаголя: сей тебѢ заплатитъ, егда корабль пріидетъ.

Являя напрасно кого обѣщаньми кормить, потому, что хлѣбъ и иное запасное на деньги купятъ.

Много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и вѣдаютъ, что на торгу за слова̀ не продаютъ.

Случися ему купить харчу, и самому нести съ торгу, всѣмъ удивляющимся рече къ нимъ: что дивитеся, себѣ то несу, а не иному кому, про себя работать нѣтъ стыда.

Нѣкоему рекшу, многїе тя хвалятъ; отвѣща: что зло сотворихъ?

Побѣда, яко люди добротнїи избираютъ себѣ предстателей и заступниковъ сильныхъ и праведныхъ, а злїи противно.

И сїе вѣщаше, яко добродѣтель есть оружїе не отъемлемо.

Онъ же обличаемый: почто своя ученики жестоко наказуетъ, отвѣща: и лѣкари подобнымъ образомъ съ больными поступаютъ. Докторы хотяще недугъ тѣлесный отдалити, много претятъ больнымъ, много даютъ неукусныхъ лѣкарствъ, а во время сѣкутъ и пекутъ, подобно и разумъ лѣча надобно претерпѣть по писанному.

Тѣло лѣча, желѣзо и огнь претерпиши, въ уста отъ жажды воды не впустиши.

Да будеши здравъ сердцемъ, жестокая принимай, повелѣваемое творить не отрѣвай.

АРИСТОТЕЛЬ у Платона слушалъ Философіи 20 лѣтъ, и Философъ бѣ честенъ, Александражъ Великаго учитель, той вопрошаемый: кая бы ему была прибыль изъ Философіи; отвѣща: Азъ то творю охотою, что прочіи творятъ, опасаясь жестокаго закона.

Онъ же обличаемый: яко даде милостыню злому человѣку; рече: не ему дахъ, но его человѣчеству.

Вопрошенъ: каковымъ намъ подобаетъ быть къ друзьямъ своимъ; отвѣща:

Таковымъ, каковыхъ хочемъ имѣти ихъ къ себѣ.

Тотъ же вопрошенъ: что скоро старѣется; отвѣща: любовь, милость.

Часто пріятелемъ своимъ и друзьямъ говаривалъ, также и ученикамъ:

Якоже зракъ пріемлетъ свѣтъ, тако человѣкъ отъ ученія:

Ученый бо скоро видитъ, что за чемъ идетъ, а человѣкъ безъ ученія аки

слѣпъ, не увидитъ что мѣшаетъ, не постережетъ, что за чемъ идетъ.

Повѣда яко ученія корень горекъ, но гроздъ и плодъ сладокъ.

Всякое ученіе принимать досадно, а научась на свою красоту употреблятии и къ общему благу, вещь есть зѣло благопріятна.

Вопрошенъ: чимъ разнится умный отъ глупаго; отвѣща: яко живый отъ мертваго.

Въ бесѣдахъ глаголаше: ученіе въ щастіи человѣку красота, въ нещастіи прибѣжище. Имѣяй ученіе нещастію нападшу, имать къ чему прибѣгнути, якоже Діонисій Король Сиракузскій мучительства ради съ престола сверженъ и вонъ изгнанъ, и понеже бѣ разуменъ во ученіи, дѣтей учаше въ Коринѳѣ, и тѣмъ питался, не учивыйся же во время напасти не умѣетъ ни за что приняться, и для того нужду терпитъ.

Вопрошенъ иногда: лживіи человѣцы кое пріобрѣтеніе имѣютъ отъ всея лжи, на сіе отвѣщалъ: сія пріобрѣтаютъ, яко аще бы времянемъ и правду сказывали, то имъ не повѣрятъ.

Также вопрошенъ: что есть пріятель; отвѣща: есть едина душа въ дву тѣлесѣхъ.

Онъ же повѣда: яко нѣцыи суть тако скупи, аки бы имъ здѣ вѣчно жить, инiи же щедри, аки бы имъ утре умереть.

Хотящимъ отъ него вѣдати: что есть надежда; на то отвѣщалъ: ничто же ино есть, токмо сонъ человѣка неспящаго.

Достигъ штидесятъ дву лѣтъ зѣло разболѣлся, яко малой надеждѣ быть да оздравѣетъ, снидошажеся къ нему ученики его, да наречетъ кому на мѣсто его взыти по немъ; отъ среди же слушателей его быша два лучшiи, Θеофратъ Лезвянинъ, и Менедемъ рожденiемъ острова Родиса: Аристотель обѣща сотворити о прошенныхъ время усмотрѣвъ. Помалѣ же времяни всѣмъ о томъ дѣлѣ къ нему сошедшимся, рече: да ему сыщутъ вина, которое привозятъ изъ Лезвы и Родиса, принесену же бывшу, вкусилъ Родiйскаго, рече: крѣпко по истиннѣ вино и укусно, потóмъ вскорѣ вкусилъ и Лезвiйскаго, и рече: обое добро, однакожъ укуснѣе Лезвiйское. По симъ словесамъ всякъ уразумѣлъ, яко избралъ себѣ въ наслѣдника Θеофрата, а великое въ томъ содѣялъ разсужденiе, яко обоихъ похвалилъ, оставляя слушателямъ вольное избранiе, и свою волю объявилъ, кого намѣстникомъ имѣти восхотѣ.

притчи

ПРИТЧИ БЛАГОРАЗУМНЫЯ АРИСТОТЕЛЕВЫ.

Самъ себе ни хвали ни хули, аще бо имаши хвалитися, ничтоже будеши, аще хулитися, кощунна себе сотвориши. Слѣпъ можетъ ли кому путь показать, или нищъ кого обогатити? безчестенъ како можетъ почитанъ быти? Гнѣву подобаетъ быти вмѣру, наглый бо есть, кто волчья обычья, а мягкій, кто дѣтскаго.

Не могій добра творити, да блюдетъ себе отъ зла; яко злато огнемъ, тако человѣкъ дѣлы искушенъ бываетъ.

Знакъ человѣка добраго: умѣть безвремянье терпѣти, зла никомуже творити: творяй бо кому что неправедное, самъ на себе клятву налагаетъ.

Въ щастіи не возможно познать друга, а не въ щастіи въ тотъ часъ.

Чудися Аристотель двоему роду человѣческому, яко одни суще лукави, похваляеми же о томъ веселятся, друзіи же блази, хулими не гнѣваются.

Больши честь подобаетъ учителемъ юныхъ учащимъ, неже родителемъ.

Отъ родителей бо рожденіе точію имутъ, а отъ учителей добродѣтель и житіе доброе.

Слышавъ нѣкоего хвалящася; яко родомъ бѣ града великаго, на то рече:

не подобаетъ смотрѣти откуду кто родомъ, но какова мѣста и сана достоинъ.

Аѳинянъ часто порицаше, яко много поставили законовъ добрыхъ, однакожъ лукавства сверьхъ уставовъ употребляли.

КСЕНОКРАТЪ ученикъ Платоновъ, [егда ему Александръ Македонскій великое число денегъ послалъ] лишше трехъ гривенъ Греческихъ не взявъ, назадъ все отослалъ, рекъ: больше Царю надобно, у него же и росходъ больши.

На пиру бывая молчалъ, инымъ много глаголющимъ, вопроси же его: чесо ради тако твориши, сице отвѣщалъ: яко въ нѣкое время каяхся о словесѣхъ моихъ, ихъ же глаголахъ; а егда молчахъ, то никогда еще не раскаялся. Вдаватися въ лишнюю рѣчь не безбѣдно, за еже человѣцы рѣчью къ страшнымъ дѣламъ приходятъ, ихъ же бы чужди были, аще бы молчать умѣли.

Ксенократъ нѣкоему многорѣчиву глагола: слушай много, говори мало, даде бо намъ природа два уха, а однѣ уста.

УЧЕНІЕ

УЧЕНІЕ ЕГО

Въ началѣ чти бога, потóмъ родителей. Всякому твори правду. Аще злѣ судиши, богъ тебя осудитъ потóмъ. Нищеты не презирай, чистоту соблюдай, а паче всего вѣрность. Мѣру праву имѣй, и никого въ ней не обиди. Не кленись вѣдавъ или хотѣвъ, таковъ бо человѣкъ богу мерзокъ есть. Проклятъ, иже мзду наемничью удерживаетъ, или бѣднаго отягощаетъ.

ДІОГЕНЪ Киникъ, ученикъ Антисѳеновъ. Сице нареченъ Киникъ, за ежебѣ скверныхъ обычаевъ и его подражатели, обаче его скверное умышленіе преодолѣ естественный стыдъ, бяху бо потóмъ ему въ великой ненависти.

Узрѣвъ нѣкоего кропящаго водою чистительною, рече: о буй человѣче, егда противно что грамматикѣ речеши неправильно, и того водою очистити не можеши, а злая дѣлà и грѣхи кропленіемъ ли избыти хощеши?

Оле зѣльнаго имовѣрства, яко страшный грѣхъ убійства, рѣчьною мните очистити водою.

Той же въ нѣкое время зажегъ лучь во дни хождаше по торгу, аки ища чего, вопрошенъ же, чего ищетъ, рече:

человѣка ищу, являя, яко не возможно человѣка и въ великомъ множествѣ сыскать.

Егда бесѣдова о великихъ дѣлахъ, а слушати его не восхотѣша, тогда онъ запѣлъ пѣснь шпынскую, абіе же множеству людей стекшуся, хотящіи со тщаніемъ послушати его, рече: на бездѣлицу полка́ми бѣжите, а вещей нужныхъ къщастливому житію слушать не хощете.

Стряпчихъ, ихъ же въ великой чести Аѳиняне имѣли, называлъ слугами черни для того, что нудятся говорить по ихъ волѣ и лицемѣрить, еже невольникамъ точію прилично.

Позванъ бывъ на пиръ, не восхотѣ. Вопрошенъ же о причинѣ, рече: и вчера быхъ на пиршествѣ, а благодаренія мнѣ не учинили за то.

Обычный человѣкъ въ велико себѣ почитаетъ, имѣти кого у себя на пиру, и хочетъ, дабы кланялись ему; но Діогенъ противнымъ обычаемъ чаялъ, яко ему должни были кланятись, яко пированію присѣдяше, и разумными повѣстьми своими много добра возмоглъ принести гостямъ.

Александръ Великій хотя его видѣти, иде къ нему, его же засталъ сѣдящаго

щаго въ кади, тамо съ нимъ бесѣдовавъ много, рече ему: да проситъ его, о чемъ восхощетъ, Дiогенъ рече: ни о чемъ, молю, токмо не отъемли отъ мене того, чего мнѣ дати не можешъ, то есть не заслоняй солнца.

Повѣдаютъ, яко Александръ глагола ему: вижу, яко много требуеши, того для готовъ есмь ти азъ вспомогательство учинить, на сiе онъ рече: не вѣмъ кто отъ насъ больши требуетъ, азъ ли, иже лишше епанчи да сумы, имѣти не желаю, или ты, иже, не довольствуяся царствомъ отцовымъ, во мнсги и великiя бѣды вдаешися распространенiя ради государства, и едва не кажется, что и всего свѣта тебѣ мало.

Нѣкто отъ бѣгуновъ хотящiй своею бѣглостiю похвалитися, тѣмъ образомъ мудрствовалъ, что азъ есмь человѣкъ, *убо Дiогенъ нѣсть человѣкъ.*

Противу того Дiогенъ ему такъ заплатилъ: начни де отъ меня то извожденiе [аргументъ] и имаши имѣти произвожденiе доброе, по чему Дiогенъ есть, потому нѣсть сей круговой: Дiогенъ есть человѣкъ, убо и круговой нѣсть человѣкъ. На рѣчь круговую и вопросъ лукавъ, не всегда подобаетъ отвѣщати, для подхватовъ

во время добро такъ быть, какъ глаголють.

Вопрошенъ: когда время лучшее ясти; таковъ далъ отвѣтъ: богатому тогда лучше ясти, егда похощетъ, а бѣдному когда можетъ.

Дровоносъ нѣкій нося нѣчто долгое, и Діогена минуя, зашибъ мало его въ голову, и по обычаю молвилъ: берегись! Діогенъ же обозрѣвся рече ему: что не сызнова ли хочетъ ударити, подобало прежде времяни молвить, берегись, а не ударивъ. Такожде случилось ему, что въ другорядъ зашибъ его, молвилъ берегись! противу онъ палкою ударивъево въ лобъ, молвилъ, берегись!

Нѣкій Мидій ударивъ по ланитѣ Діогена, и даде ему тотчасъ по уставу ударное, на утріи Діогенъ встрѣтя Мидія уразилъ его въ щоку рѣзво, и тѣжъ деньги ему отдалъ, рекъ: се тебѣ вяска [ударное] готовыми деньгами.

Сна боящимся сице глагола: что на яву дѣлаете, о томъ не брежете, а что во снѣ видите, о томъ печалитеся. Нещастіе приходитъ не отъ сновъ, но отъ злыхъ дѣлъ, того ради не сновъ надобно беречся, но дабы дѣла были добрыя, и учтивыя поступки, таковы бо и сны бываютъ.

Царю

Царю Филиппу съ воинствомъ своимъ стоящу подъ Херонїею, иде тамо и Дїогенъ, его же воини плѣнивъ привели предъ Царя, иже узрѣвъ его и не зная кто есть; рече со гнѣвомъ: вижу тя быти подсмотрщика [шпика] Дїогенъ рече: такъ есть, прїидохъ сѣмо присмотритися бѣшенству твоему, яко не удоволился царствомъ Македонскимъ и чуждаго желая, самъ себя въ бѣду добровольно вдаешъ; сего ради блюди, да и здравїя не лишишися. Той дерзости его Царь удивлься, увѣдавъ же яко бѣ Философъ, абїе повелѣ его свободно пустити.

Призываемый къ Царю Александру не восхотѣ итти, претящимъ же смертїю, аще не пойдетъ, сице отвѣща: что же бы великое въ томъ Царь объявилъ, за еже то обычно сотворити, может и червякъ то учинить, человѣка лишити свѣта и здравїе отнять невеликое дѣло, червь одинъ и травка то учинить можетъ, то великое дѣло, что умершему животъ даровать.

Свободный человѣкъ на высокїе чины ни на смерть не смотритъ.

Единожды узрѣвъ человѣка, что стаканъ изъ казны укралъ, люди его

на смерть ведутъ, рече: се большїе воры малаго ведутъ.

Подобноже слово припоминаютъ бывшее отъ Августа Короля Польскаго, иже видѣвъ нѣкоего въ Вильнѣ, гдѣ пушки льютъ, на смерть осужденнаго, яко частицу мѣди укралъ, повелѣ его свободна пустить, глаголя: перво большихъ воровъ вывѣшать надобно, потомъ малыхъ.

Егда нѣцыи Калистена Философа называли щастливымъ человѣкомъ, за еже у Царя Александра бѣ въ великой чести и во обилїи, Дїогенъ рече: тѣмже убо бѣднымъ есть человѣкомъ, понеже тогда долженъ обѣдать и ужинать, какъ Царю ѣсть захочется.

Идѣже нѣтъ воли, тутъ и щастїе невелико, и для того пословица: Дворянская служба, красная нужда.

Деньги егда ихъ требоваше, у прїятелей бралъ, иногда нѣкїимъ ругающимся, яко въ томъ не Философски творяше, но нищетски, отвѣща: не беру отъ нихъ, но отбираю.

Емляй у друга, аки бы свое бралъ, добрыхъ бо друзей все общее.

Узрѣвъ богата человѣка ни къ чему негодна въ свѣтлы ризы одѣянна, рече: се имамы овцу со златымъ руномъ.

Овца

Овца не всегда себе ради руно носитъ, потому что часто ее стригутъ, подобно и богатой не разсуденъ, не себѣ блюдетъ казну, но инымъ, кто что урветъ, то его, а ему и спаси богъ не скажутъ.

Гусельникъ, иже бѣ мужикъ что дубъ, и на гусляхъ игралъ бездѣльно всѣмъ нехвалящимъ, единъ токмо Діогенъ похвалялъ; многимъ же чудящимся, чего ради то творитъ; рече: того ради хвалю его, яко сей мужикъ дородный похотѣлъ гуслями промышляти, а не разбойничать.

Вопрошенъ бывъ: кое подобіе имать въ себѣ ядъ вредительнѣйшій; сице отвѣщалъ: естьли вопрошаеши о дикихъ, отъ нихъ есть обманщикъ, а естьли о домашнихъ, изъ нихъ есть лицемѣръ.

Діогенъ обманщика или лицемѣра вмѣняше въ *ядовитаго звѣря*, только въ томъ ихъ разнилъ, что обманщикъ ставится въ бровь, а ласкатель ядъ свой ласково въ человѣка впущаетъ подобіемъ аспиднымъ. Рѣчь ласкову, которая съ сердцемъ не согласна, нарицалъ силомъ медовымъ.

Нѣкто естества испытникъ вопроси его, кая вина тому, что золото

блѣдо;

блѣдо; на сїе отвѣща: того ради блѣдо, что многїе люди его навѣтуютъ.

Кто въ такомъ страху и вѣдаетъ о чьей бѣдѣ, тотъ часто блѣднѣетъ. То Дїогенъ причелъ золоту, хуля лишнее лихоимство въ людяхъ.

Случися сему внити нѣкогда въ окоптѣлую и черную баню, рече: что здѣсь моются, гдѣ съ изнова ходятъ мытись.

Вопрошающу нѣкоему, когда лучши женитися; отвѣща: молодому еще нечасъ, а старому никогда.

Являя, яко лучши не женитись, нежели на лихую жену угодить. Хотя онъ вопрошалъ о добромъ часѣ, се есть въ коихъ лѣтахъ, [Платонъ бо совѣтуетъ мущинѣ въ 30 мъ, 31 мъ, 33 мъ, 34 мъ, 35 мъ. А дѣвицѣ въ 16 въ 17 въ 18 въ 19, а и много въ 20 лѣтъ бракъ супружескїй принять] или въ коемъ мѣсяцѣ, Римляне бо, Апрѣль, Іюнь щасливо браку время почитали.

Видѣвъ юношу нѣкоего строящагося и красящагося, рече ему: естьли красишся идый къ мущинамъ, непотребно, а естьли къ женамъ, велика въ томъ неправость.

Узрѣвъ юношу, иже зарумянился отъ стыда, и аки пужаться почалъ, рече

рече ему: не бойся юноше, такова бо румяность добродѣтели.

Человѣкъ глупъ, а паче не дався научитися, чаетъ яко то злый знакъ, егда или юноша, или честна жена отъ стыда зардится, но всѣмъ извѣстно, яко то есть имянной знакъ природныя добродѣтели.

Нѣкоему рекшу ему, нужно на семъ свѣтѣ жити, онъ отвѣща: не жить нужно, но злѣ жить нуждѣ равняется.

Бысть ему въ рабѣхъ невольникъ имянемъ Мана, того бѣжавша отъ него совѣта друзья искати яко бѣглеца, на сія отвѣща имъ: и то смѣшно, естьли Мана можетъ быть безъ Дїогена, коль паче Дїогенъ безъ Маны обойтися можетъ.

На пиру сый ядяше калачь, вопросившимъ же его, что ястъ; отвѣща, ямъ хлѣбъ, гораздо печенъ.

Люди обычные дивятся на пирахъ ядямъ, а Философъ и простой хлѣбъ и вкусы за одно почитаетъ.

Прїѣхавъ во градъ Минду, и узрѣвъ ворота зѣло велики, изрядно строены, самый же градецъ невеликъ, рече къ жителямъ: господа Миндїана! затворите врата, да вашъ градецъ ими не убѣжитъ.

Хорошо

Хорошо говорятъ : по пруду быть и плотинѣ.

Юношѣ красну идущу на пиръ бесѣдовати, сице рече: узриши яко безобразенъ оттуду возвратишися.

На бесѣдахъ молодые люди рѣдко исправляются, а скорѣе соблажняются и портятся, занеже въ нихъ кровь буяетъ, тогда питіемъ и взираніемъ на лица возбуждаютъ похоти своя.

Узрѣвъ отрока нѣкоего рожденнаго отъ податной госпожи, и се онъ каменіемъ въ люди бросаетъ, рече ему: слушай отроча, блюди, да не уязвиши отца твоего каменемъ.

Хвалящимъ нѣкіимъ много даровавшаго Діогену въ снабдѣніе, рече Діогенъ: почто и меня не хвалите, яко стался достоинъ пріяти то отъ него.

Многіе люди только тѣхъ хвалятъ, что даютъ, а кои берутъ, тѣхъ они ничтожатъ.

Но множае вящши пристойно брати кому, неже дати, дать бо можетъ всякъ человѣкъ мочный, а взять по достоинству никто же, точію человѣкъ достойный, и оттуду пословка есть, даръ принялъ той, иже достойному далъ.

Хотящимъ вѣдати, что имать прибыли отъ Философіи, отвѣща:

Аще

Аще больши ничто же имѣлъ быхъ оттуду, кромѣ сего, яко на всякое щастіе готовъ есмь, то и тѣмъ довольствуюсь.

Нѣкто вопроси Діогена, откуду онъ бѣ; на сіе отвѣща: житель есмь свѣта.

Являя, яко сей свѣтъ домъ есть всѣхъ людей, и яко человѣку достойному, амо же ни обращается, всяка страна есть отечество, яко о семъ пишутъ: рыбамъ море свободно, а птицамъ весь воздухъ. Премудрому отчина всея вселенныя округъ.

Нѣкто привелъ сына своего къ Діогену дати его въ наученіе, его же предъ нимъ хваляше, яко отрокъ есть чуднаго разума и нравовъ, ему же Діогенъ рече: почто же даеши мнѣ, когда толь много умѣетъ?

Въ Лакедемоніи узрѣвъ нѣкогда одѣвающагося красно съ великимъ прилѣжаніемъ въ празникъ, рече ему: что се твориши? не всякъ ли день доброму человѣку праздникъ?

Александръ Царь при иныхъ рѣчахъ вопроси Діогена: боится ли его; на то Діогенъ рече: что же еси, благъ ли или золъ? Царю повѣдавшу, яко благъ есть, отвѣща Діогенъ: убо кто когда видѣ боятися благаго?

У нѣкоего человѣка роскошнаго попросилъ гривны, тому удивлшуся и рекшу: чего ради у меня толико много просиши, а у иныхъ по полу грошу обыклъ ты просити? Діогенъ отвѣща: у иныхъ по малу емлю для того, что впредь у него взяти чаю, а у тебя возму ли что впредь, того не знаю.

Часто бываетъ то, что которые живутъ шумно и дурно, къ великой скудости приходятъ, и тогда какъ и досталь дойдетъ, ради бы воздержно жили, но понеже поздà на днѣ скупость, то усматривая Діогенъ восхотѣлъ у такова заранѣе взять, дондеже всего не изнуритъ, впредь уже его себѣ не бережа.

Видѣвъ нѣкоего злѣ зѣло стрѣляющаго изъ лука, сѣлъ близъ мѣты, вопрошенъ же: почто толь близъ мѣты сѣлъ; реклъ: боюся дабы въ меня сей человѣкъ не попалъ, аще бы сѣлъ по одаль мѣты.

Вопрошенъ: для чего люди охотнѣе даютъ нищимъ, неже Философамъ: отвѣща:

Того для, что скоряе чаютъ быти слѣпыми или хромыми, неже Философами.

Оклевета его нѣкто, яко дѣлаше иногда подтворные деньги, тому такъ отвѣ-

отвѣщалъ: скажу тебѣ, было такое время, что былъ я таковъ, какъ ты нынѣ, а каковъ я нынѣ, ты таковъ никогда не будешь. Съ Прежними грѣхами тѣхъ, что житїе свое исправили, не подобаетъ въ укоризну вводить, дабы очи запорошить, ни смотрѣть того, кто кимъ не былъ, но каковъ нынѣ есть.

Анаксименъ вѣтїй не послѣдней, егда простирая съ рѣчью, бесѣдоваше, Дїогенъ уразумѣвъ рѣчь, и показуя часть окорока, сманилъ всѣхъ слушателей, яко вси оставльше Анаксимена на него засмотрѣлись, а Дїогенъ реклъ: изрядное слово Анаксименово, что за деньгу купилъ, то прекратило его; являя, что о бездѣлицѣ рѣчь свою велъ.

Укоряемь, яко во время бывалъ на мѣстѣхъ скверныхъ и малочестныхъ, отповѣда: и солнце преходимъ скверныя мѣста, но не оскверняется.

Обычай имѣлъ Дїогенъ безъ чиновъ тамъ ѣсть, гдѣ случилось, единожды сѣдшу ему вечеряти въ капищи, положили ему хлѣбъ дебелъ, глаголя, въ капищи ничего хорошаго не вносятъ.

Вопрошенъ: что человѣку на свѣтѣ лучшее, повѣда: вольность всего лучши.

Вѣщаше яко господа и невольники малымъ чимъ межъ себя разнятся, ибо невольники въ неволѣ у господъ, а господа въ неволѣ у прихотей своихъ.

Тѣхъ, иже о добродѣтели сладкая глаголютъ, а житіе бездѣльно водятъ, повѣда быти подобныхъ гуслямъ, иже сладкогласіемъ своимъ иныхъ пользуютъ, а сами его не слышатъ. Добродѣтель не словами, но честными дѣлы состоитъ.

Вопрошенъ: како Діонисій мучитель поступаетъ со други своими, отвѣща: поступаетъ съ ними аки съ кожаными мѣшками, полные вѣшаетъ, а порозжіе подъ лавку бросаетъ.

Являя, что Діонисій мучитель именитыхъ мучилъ, а бѣдныхъ презиралъ.

Узрѣвъ отроча безчинно поступающо, абіе удари учителя его, глаголя: почто тако безчинію учиши?

Услышавъ нѣкоего краснаго юношу скаредно глаголюща, рече: не стыдно ли тебѣ, что изъ многоцѣнныхъ слоновыя кости ноженъ, сабли оловянныя добываешь?

Скверно, егда мужикъ простакъ скверными словами блюетъ, но много сквернѣе, егда красный [знатный] человѣкъ скверныя слова испускаетъ.

Въ

Въ нѣкій день множеству людей послѣ комедіи идущу со зрѣлища, онъ противъ ихъ угнѣтаясь иде, вопрошающимъ же его: для чего творитъ все опако; рече: нуждуся во все житіе мое творити противно грубяномъ.

Человѣку смышленному не подобаетъ уклонятись къ поступкамъ грубымъ, но далече обходитъ. Грубянинъ бо не по смышленію, но по намѣренію и прихотямъ своимъ поступаетъ.

Видѣвъ нѣкоего музыканта мужика строптива настраивающа свое орудіе мусикійское, рече къ нему: не стыдъ ли тебѣ голосы на деревѣ строить умѣть, а житія своего по разуму и добродѣтели уставить не смыслить?

Нѣкто безъизвѣстной дѣтина на воротѣхъ своего дому написалъ сія словеса: Никакое зло, ничтолибо вредно, въ домъ сей никогда да не будетъ входно.

Сія прочетъ Діогенъ рече: а господинъ дому сего камо входитъ. Возвѣщая, яко то вящши вредитъ, егда въ комъ скаредные примѣты и изше благостыня.

Нѣкто отъ наемныхъ воевъ, вздѣвъ на себе львову кожу, оказался тѣмъ, рече ему Діогенъ, долго ли добропу храбрости срамляти имаши?

Грекулесъ въ знаменіе храбрости хождаше во львовой кожѣ, а его одѣяніе носити Философъ чаяше быти вещь скверну. Много и нынѣ такихъ есть, что лошадей, ружья, одѣянія воинскаго употребляютъ, а храбрость ихъ въ лѣсу за кустомъ.

Онъ же нашедъ миро благоуханное, ноги себѣ имъ помаза, ругающимъ же его о семъ людемъ, рече: аще помажу главу, благоуханіе на вѣтръ росходится, а отъ ногъ уханіе идетъ въ верьхъ.

Ученіе всѣмъ отъ сего хваляше, яко юнымъ людемъ приноситъ трезвость, старымъ утѣшеніе, нищимъ обогащеніе, богатымъ украшеніе.

Вопрошенъ нѣкіимъ, какъ бы моглъ лучши мстить непріятелю, отвѣщавъ онъ, таковъ путь показалъ: всего лучши отомстить, егда будешь добрымъ человѣкомъ.

Непріятель всякъ всегда крѣпко смотритъ на того, кому недругъ, дабы моглъ во всякихъ припадкахъ людемъ оклеветать, къ тому и вины ищетъ имѣти приступъ къ тебѣ, аще же не обрящетъ чего, да тя обнесетъ, то самъ себѣ грызетъ, а видя человѣка добра, не дерзнетъ на тя напирать, вѣдая яко правая рука всегда права.

Нѣкто

Нѣкто ругался ему, что онъ нищъ, а самъ былъ плутъ, такъ отвѣща: нищеты ради дабы кто пытанъ былъ, того никто не видѣлъ, а за воровство не одного я видѣлъ на пыткѣ.

Узрѣвъ жену на носилкахъ носиму; рече: сія клѣтка не по тому звѣрю.

Являя, яко жена злая, дивій звѣрь, естьли не держать ее крѣпко въ рукахъ, много зла учинить хожетъ.

Той же о любви злой бесѣдова, яко есть упражненіе людей гуляющихъ.

Больши тѣ склонны суть къ похоти, иже въ нѣгѣ живутъ и непрестанно гуляютъ, якоже Овидій стихотворецъ пишетъ:

Иже безъ промыслу, всегда гуляютъ.
Ничто добро дѣюще, о злѣ промышляютъ.

Предивно похоть нѣжится въ гуляніи.

Трудись, ежели не хощешь быть въ любодѣяніи. И паки:

Кой часъ лишишся лишняго гулянья,
Абіе похоть отстанетъ своего стрѣлянья.

Зинону Философу производящу различными доводами, яко нѣсть ни единаго движенія на свѣтѣ. Діогенъ вос-

ставъ нача ходити по училищи, вопросившу же Зинону, что творитъ; рече: твои доводы отрѣваю.

Егда увѣщеваше его нѣкто, дабы достигши старости оставилъ труды, рече ему, егда бы былъ съ кѣмъ въ теченіи бѣжанія, а былъ бы недалече конца, тамъ ослабѣлъ ли бы въ бѣгу, или крѣпитись достоило бы.

Нудившей его скудости сице просяше милостыни: аще кому далъ милостыню когда, даждь и мнѣ, аще же никому еще, то начни отъ мене.

Вопрошенъ; что бѣднѣе на свѣтѣ; отвѣща: нѣтъ бѣдняя сего, егда человѣкъ старъ, а къ тому бѣденъ.

Велія подпора старости, егда кто имѣетъ каково ни есть имѣнейцо, а егда къ старости прилѣпится бѣдность, нѣсть того горьши.

Плѣнена его бывша изведоша продать, тамъ вопрошающу его, иже продаетъ, что умѣетъ; да вѣстъ какъ бы его купцу похвалити, рече Діогенъ: скажи, что продаешь такова человѣка, которой умѣетъ росказывать людемъ свободнымъ, абіе же узрѣвъ человѣка во многоцѣнныхъ ризахъ идуща, рече: тому мя продай, вижу бо, ласка требуетъ гоподина.

Купившу

Капившу его нѣкоему Ксиніаду, рече Діогенъ къ нему : се ты купилъ меня , зри же , да всякому моему повелѣнію будеши послушенъ, на сіе Ксиніадъ рече: будетъ то противно , Діогенъ сказа : егда бы былъ недуженъ , а купилъ бы лѣкаря , не былъ ли бы ему послушенъ ты.

Ученіе лѣкарское лѣчитъ болѣзни на тѣлѣ , а Философія лѣчитъ вреды въ мыслѣ , и якоже лѣкаря здравія ради тѣлеснаго , тако Философа здравія ради душевнаго пристойно слушать, аще бы и гораздо былъ его господиномъ.

Сущу ему у Ксиніада совѣтоваша друзи выкупить его, онъ рече, не треба, не вѣсте ли , яко львы не служатъ тѣмъ , иже ихъ держатъ , но они львомъ ?

Вопрошенъ : аще смерть зла ; отвѣта : како можетъ быть зла, занеже ее не видимъ.

Той же повѣда: яко инымъ людемъ, имже доброе поведеніе жить годно, умереть не хочется , а иже суть въ нещастіи, тѣмъ животъ не годенъ, и смерти желаютъ , а мучителемъ обое то зѣло тяжко : ибо житіе есть имъ мерзостнѣе паче тѣхъ , иже хотятъ умрети , и смерти боятся паче

тѣхъ, что въ добромъ житіи живутъ.

Речено бысть ему, когда и кто по смерти тя погребетъ, яко ни единаго раба имѣеши, на то рече, въ чьемъ дому умру, естьли ему домъ понадобится, той и погребетъ.

Въ нѣкое время Антисѳенъ учитель Діогеновъ всѣхъ учениковъ восхотѣ отъ себя прочь отогнать, кромѣ Діогена, его же постоянства ради оставить не можаше, иногда и жезломъ претя да отъидетъ, ему же Діогенъ преклонивъ главу свою, рече: не имаши такова тверда жезла, да отлучитъ меня отъ тебя.

Въ нѣкое время корякомъ воду пивъ узрѣ дѣтище, и се воду руками пьетъ, покинувъ корякъ рече: не вѣдѣхъ, о како естествомъ содѣяся удобность къ напою.

Онъ бѣ зѣло терпѣливъ, егда въ нѣкое время глагола о гнѣвѣ, единъ плюнулъ ему въ лице, и вопроси его, гнѣвается ли; отвѣща ему: не гнѣваюся, но презираю.

Инъ же лаяше его срамными словесы, ему же ничтоже отвѣща; рече же ему гаждаяй его: для чего на то не отвѣщаетъ; рече Діогенъ; не хощу о та-

о шаковой вещи бранитися, понеже кому бы она ни досталась, тотъ будетъ посрамленъ.

Иногда шедшу Царю Александру мимо Дiогена, Дiогенъ аки презирая его не воззрѣ нань, ему же рече Александръ: что се Дiогене, яко не воззриши на мя, аки бы никогда я тебѣ надобенъ былъ? Ему же рече Дiогенъ: не употребляю служебника служебниковъ моихъ. Паки рече ему Александръ: азъ ли служебникъ служебниковъ твоихъ? рече Дiогенъ: такъ истинно, азъ бо свою волю одолѣваю, а ты воли своей подданъ, она бо тя премогаетъ; того ради служебникъ еси служебниковъ моихъ.

Въ нѣкое время стихотворецъ зѣло хваляше Александра предъ Дiогеномъ, а Дiогенъ взявъ хлѣбъ нача ясти. Онъ рече: что твориши? почто не слушаеши? отвѣща: прибыльнѣе хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать.

Узрѣвъ нѣкоего юношу лицемъ дурна, но нравовъ добрыхъ, рече: доброта души его много красоты лицу его придаетъ.

Также видѣвъ одного мужика деревенскаго дурака на камени сѣдяща, рече: се камень сѣдитъ на камини.

Въ

Вѣ болѣзни лежащаго, егда пріятели утѣшая говаривали, да не боится, заеже се отъ бога есть, отвѣща: того для больши боюся, яко отъ бога есть.

Во едину отъ нощей, егда воръ восхотѣ украсти у него мѣшокъ съ деньгами, онъ же пробудився, и видѣвъ, что дѣло до денегъ; рече ему: возми бѣдниче возми, дай намъ крѣпко спать,

Вопрошенъ: для чего людей боится; отвѣща: злыхъ того ради боюсь, яко зли въ дѣлѣхъ своихъ, а добрыхъ яко злымъ сообщаются.

Вопрошенъ: чего всякому блюстись и стеречися; отвѣща: ненависти пріятельской, а слезы непріятельской.

[ДОГАДЛИВЫИ ЕГО ПОСЛОВИЦЫ.]

Вь заступленіе свое всякому подобаетъ имѣти пріятеля.

Въ своемъ дѣлѣ самому судіею добрымъ не мочно быть, аще бы иныхъ и гораздо умѣлъ судить.

Неповиннаго осудивый, самъ себе язвитъ, того бо ради совѣсть его грысть будетъ.

Хощеши ли благъ быти, отрини то отъ себя, что во иномъ ненавидишь.

Совѣтъ отъ истинныя любви блюди у себе, и послушай.

ѲАЛИСЪ

ѲАЛИСЪ Милитійскій вопрошенъ бывъ: что есть неудобнѣйшее; повѣда то: еже познати самого себе.

Паки вопрошенъ, что есть удобнѣйшее; отвѣща: удобнѣйшее иного увѣщать. Вопрошенъ же: кто щастливъ; сице отвѣща: иже тѣломъ здравъ и въ смыслѣ изученъ.

О семъ пишутъ, бога подобаетъ усердно молити.

Да здравіемъ и смысломъ подастъ здраву быти.

Вопрошающу: какъ бы человѣкъ благочестно моглъ житіе свое вести; таковъ путь явилъ: всякъ то достигнетъ, естьли самъ того не искусится, что во иныхъ хулитъ?

Тотъ же повѣдалъ: что многословіе не являетъ человѣка быти разумна.

Много такихъ, что многорѣчіемъ хотятъ предъ людьми явитись разумными, а чернь видя говорливаго человѣка, почитаетъ его за премудра Но многовѣденіе на добрыхъ поступкахъ належитъ, не на многорѣчіи.

Вопрошенъ: что есть любезнѣйшее; отвѣща: сподобитися того, о чемъ промышляешь.

Всего больши люди тѣмъ довольствуются, егда то улучатъ, за что стоятъ.

Онъ

Онъ же вопрошенъ : какъ бы кто моглъ тихо снесть свое нещастіе , отвѣща : аще бы видѣлъ недруги свои въ большомъ нещастіи.

Вопрошенъ: что есть древнѣйшее ? рече : богъ древнѣйшій, заеже есть безъ начала.

Что изряднѣйшее? свѣтъ, себо чинъ божій всякими вещьми украшенъ.

Что большее? мѣсто: все бо въ себѣ обья.

Что скорѣйшее ? мысль , заеже въ маломъ времяни вездѣ она.

Что премудрѣе ? время, яко по времени всего достигаютъ.

Что крѣпчайшее ? рекъ : се есть непремѣнное божіе смотрѣніе.

Тойже вопрошенъ: кого бы могъ съ трудностію видѣть ; отвѣща : неудобнѣе видѣть мучителя состарѣвшася. Мучитель бо рѣдко мучительства ради своего доходитъ до старости.

Вопрошенъ : аще человѣкъ творяй злое , можетъ утаитися предъ богомъ , отвѣща: не точію съ дѣломъ , но ни съ мыслію своею кто предъ нимъ утаитися можетъ.

Онъ же глагола , яко нѣсть разни межъ животомъ и смертію. Нѣктожъ реклъ ему : аще тако, то чего ради не

умреши

умреши? на сїе рече: для того и не умираю, что все за ровно и жить и умереть.

Сей Ѳалисъ убогъ былъ, во ученїи упражняясь, имѣнїя никакова не желалъ.

Ругающимся нѣкимъ, яко бѣ убогъ, аще и мудрецъ, и яко ему мудрость не прибыльна, дабы ругателей своихъ посрамилъ; яви разумъ свой смотря на звѣзды, ихъ же гораздо искусенъ былъ, и позналъ, что въ будущее лѣто масло не родится, а того году довольно было, и онъ зимою въ дву городѣхъ въ Милитѣ и въ Хїи много и дешево масла накупилъ, потомъ въ будущїй годъ какъ масло не родилось, а почали спрашивать, онъ продавать училъ цѣною по своей воли и денегъ довольно набралъ, и тѣмъ ругателей своихъ обругалъ. Явилъ яко мудрость его не тща была, занеже разумному удобь обогатитися мочно, только мудрости съ богатствомъ трудно равнятись.

Той же и сїя глагола: блюди да не будеши богатъ неправдою.

Яко же поступиши къ родителемъ твоимъ, тако надѣйся и сыновъ впредь своихъ къ тебѣ быти.

СОЛОНЪ

СОЛОНЪ мудрецъ родомъ изъ Аѳинъ, вопросившу Королю Крезу зѣло богату: видѣлъ ли человѣка щастливѣйшаго паче его? отвѣща: видѣхъ Телля Аѳинянина житїе свое безъ похуленїя ведшаго и оставившаго чадомъ своимъ честное пропитанїе, и крѣпко ратуя за отечество улучивъ славу на бою умре. Потомъ паки вопроси: аще бы по Теллѣ видѣлъ кого щастливаго? Солонъ повѣда: что зналъ Клїова и Витона братей родныхъ, иже поѣхавъ съ матерїю въ капище на праздникъ, и конемъ уставшимъ сами въ возъ впряглись, и привезли матерь свою въ капище, и великой славы сподобився въ ту же ночь померли. Посемъ Король гнѣвомъ движимъ, рече: а мнѣ никаковали мѣста межъ щастливыми даешь? на се Солонъ: причитаю о Королю, что ты щастивъ, а щасливымъ назвать не смѣю, прежде даже щастливо животъ скончаешь.

Надобно человѣку дни ждать послѣдняго, а прежде смерти не достоитъ звать щастливымъ никого.

Какъ и тотъ Крезъ не вдолзѣ позна свое премѣнное щастїе, ибо пораженъ потомъ бысть Киромъ Царемъ и плѣненъ, а еже вящшее, на костеръ дровъ бѣ возведенъ на сожженїе, и тамо помянувъ

слово

слово Солоново, великимъ вовопи гласомъ: о Солоне, Солоне! Услышавъ сія Киръ вопроси: кого поминаетъ; и увѣдавъ совершенно отъ него о Солонѣ и о бесѣдованіи его съ нимъ, не велѣлъ его жечь. Тѣмъ же убо щастію своему вѣрить излишно не подобаетъ, много бо можетъ нанестися отвсюду на человѣка бѣдъ, и отъ богата сотворить скудна.

Никто не уповай на лишнюю удачу, ни отчаявайся во злу неудачу: иже бо на главу вѣнецъ возлагаетъ, той и съ нея снимаетъ.

Той же повѣда, яко уложенья паучиннымъ сѣткамъ суть подобны, занеже сильный аки шершень пробьется, а бѣдный аки муха увязнетъ.

Вопрошенъ: како угодити, да обиды не вредятъ посредѣ людей; таковъ яви посредокъ: не много бы обидъ было, ежели бы неизобиженные вступались за обиду чужую аки за свою.

Егдабъ сіи вступались въ обиду иныхъ, конечно не много бы тѣхъ было, которые обидятъ.

Тотъ Солонъ, занеже бѣ человѣкъ разуменъ, законы подалъ Аѳиняномъ, егда же вопрошенъ бысть: почто не положилъ въ законѣ, како имать казненъ

 быти,

СОЛОНЪ мудрецъ родомъ изъ Аѳинъ, вопросившу Королю Крезу зѣло богашу: видѣлъ ли человѣка щасшливѣйшаго паче его? ошвѣща: видѣхъ Телля Аѳинянина жишїе свое безъ похуленїя ведшаго и осшавившаго чадомъ своимъ чесшное пропишанїе, и крѣпко рашуя за ошечесшво улучивъ славу на бою умре. Пошомъ паки вопроси: аще бы по Теллѣ видѣлъ кого щасшливаго? Солонъ повѣда: что зналъ Клїова и Вишона брашей родныхъ, иже поѣхавъ съ машерїю въ капище на праздникъ, и конемъ усшавшимъ сами въ возъ впряглись, и привезли машерь свою въ капище, и великой славы сподобився въ шу же ночь померли. Посемъ Король гнѣвомъ движимь, рече: а мнѣ никаковали мѣсша межъ щасшливыми даешь? на се Солонъ: причишаю о Королю, чшошы щасшивъ, а щасшливымъ назвашь не смѣю, прежде даже щасшливо живошъ скончаешь.

Надобно человѣку дни ждашь послѣдняго, а прежде смершши не досшоишъ звашь щасшливымъ никого.

Какъ и шошъ Крезъ не вдолзѣ позна свое премѣнное щасшїе, ибо поражень пошомъ бысшь Киромъ Царемъ и плѣненъ, а еже вящшее, на косшеръ дровъ бѣ возведенъ на сожженїе, и шамо помянувъ

слово Солоново, великимъ возопи гласомъ: о Солоне, Солоне! Услышавъ сія Киръ вопроси: кого поминаетъ; и увѣдавъ совершенно отъ него о Солонѣ и о бесѣдованіи его съ нимъ, не велѣлъ его жечь. Тѣмъ же убо щастію своему вѣрить излишно не подобаетъ, много бо можетъ нанестися отвсюду на человѣка бѣдъ, и отъ богата сотворить скудна.

Никто не уповай на лишнюю удачу, ни отчаявайся во злу неудачу: иже бо на главу вѣнецъ возлагаетъ, той и съ нея снимаетъ.

Той же повѣда, яко уложенья паучиннымъ сѣткамъ суть подобны, занеже сильный аки шершень пробьется, а бѣдный аки муха увязнетъ.

Вопрошенъ: како угодити, да обиды не вредятъ посредѣ людей; таковъ яви посредокъ: не много бы обидъ было, ежели бы неизобиженные вступались за обиду чужую аки за свою.

Егдабъ сіи вступались въ обиду иныхъ, конечно не много бы тѣхъ было, которые обидятъ.

Тотъ Солонъ, занеже бѣ человѣкъ разуменъ, законы подалъ Аѳиняномъ, егда же вопрошенъ бысть: почто не положилъ въ законѣ, како имать казненъ

 быти,

быти, иже отца своего убіетъ; сицевъ даде отвѣтъ: Того ради не положихъ, яко не чаяхъ, да кто такое злое прегрѣшеніе въ сей рѣчи посполитой содѣетъ, сего ради не хотѣхъ и поминати о томъ.

Повѣдаше, яко мниміи быти въ милости у мучителей, зѣло подобни суть Цатамъ, которые по угожденію счетчика, овогда многія тысящи, иногда зѣло мало, а временемъ ни во что не кладутся.

Писистрату пріявшу на себя чинъ первенства во общенародіи и зѣло склонившуся на мучительство, Солонъ крѣпко противяшеся ему. Вопросившу же его Писистрату, на что надѣяся толико дерзостно поступаетъ; сказа: Старость то моя содѣваетъ, что тебя не боюся.

Познавъ лукавство Писистратово, иже самъ себѣ раны подѣлавъ, восхотѣ явити, будто былъ измѣною израненъ, да народа обманетъ, и на печаль, а потомъ и на смятеніе приведетъ, сице ему рече: Не хорошо Писистрате изобразуеши Улисса, ты бо тѣхъ ранъ, ихъ же самъ себѣ сотворилъ, на обманъ своихъ же употребляеши, а онъ самъ себе изранивъ непріятелей обманулъ.

Той

Той же глаголаше: состарѣешися много добра на всякъ день учась.

Нынѣ въ стыдъ вмѣняютъ научитися чему, слушавъ стараго или бывалаго, а того не вѣдятъ, что самая старость не творитъ разумна никого, но токмо ученіе и искусство.

Солонъ былъ на нѣкоемъ мѣстѣ, идѣже вси тамо сущіи говорили, онъ же единъ токмо молча бѣ, рекоша ему: Почто не говоритъ, еда глупецъ или скуденъ въ рѣчи; отвѣща: Глупецъ молчать не можетъ.

Вопрошенъ: Кому быть управителемъ людей; рече: Тому, иже въ дому своемъ прежде управлять научился.

Вопрошенъ: что есть острѣйшее меча; отвѣща: языкъ злаго человѣка.

Кто паче свободнѣе; [или торовагѣе] рече: кто добра своего съ охотою удѣляетъ, а чужаго не желаетъ.

Како градъ можетъ добрѣ правимъ быть; рече: аще бы Воеводы и правители по закону жили.

ВІАСЪ мудрецъ, егда случися ему шествовати моремъ съ людьми злыми, восшавшей же великой бурѣ, корабленицы начаша призывати въ помощь боговъ, сице рече къ нимъ: Азъ совѣтую, мол-

чите, да не услышатъ бози, яко здѣ шествуете.

Вмѣни мудрецъ, яко мольбы нечестивцевъ болши бога на гнѣвъ, неже на милость возбуждаютъ, и яко богъ лежащихъ во грѣсѣхъ не послушаетъ.

Той же вопросившу его человѣку нечестиву, яко есть благочестіе; не восхотѣ отвѣщати. Вопросившужъ о винѣ, коея ради молчаніемъ его отбываетъ; Віасъ рече: того ради на вопросъ твой не отвѣщаваю, яко о томъ вопрошаеши, что тебѣ нѣсть прилично. Не ко всякому отвѣщати подобаетъ, иной бо овогда въ рѣчь входитъ на кощунство, или точію оказываяся, а бисера метать предъ свиніями не подобаетъ.

Егда градъ, въ немъ же Віасъ родися, отъ непріятеля плѣненъ бѣ, жителемъ же его повелѣно, кто что можетъ понести. И многи вещи носящіе изхождаху, единъ точію Віасъ ничто же взя съ собою, къ вопрошающимъ же отвѣща: азъ все имѣніе мое несу съ собою.

Являя, яко то правое имѣніе, его же отнять никто можетъ, доколѣ живъ человѣкъ.

ВІАСЪ

ВІАСЪ Пріененскій мудрецъ, единъ отъ седми мудрецовъ, бѣ Князь во градѣ Пріененскомъ, но межъ Пріеняны и Месалитяны брани зачеңшейся, ратнымъ же Пріененскимъ много дѣвицъ Мезселискихъ плѣнившимъ, ихже Віасъ видѣвъ, скорбяше, и взявъ ихъ къ себе, храняше честно яко своихъ. Потомъ новы ризы имъ здѣлавъ, и одаривъ къ родителемъ посла, дабы тѣмъ милосердіе явилъ, могій имъ злѣ сотворити, не сотвори. Егда же сіе предъ народомъ Мессалинскимъ промчеся, абіе къ Віасу Послы послаша съ различными дары, просяху примиритися.

Въ нѣкое время, егда Аліатъ Князь градъ Пріенскій осади, надѣясь гладомъ выморить, тогда Віасъ своимъ разсмотрѣніемъ скудость бывшую во градѣ сице прикры: двѣ тучны яловицы изъ града пусти, да яты будутъ отъ сопостатъ, ихъже Аліатъ Князь видѣвъ вознепщева, яко имѣютъ обиліе запасовъ, посла къ Віасу да изыидетъ изъ града о примиреніи совѣститися; отвеща: Аще бы азъ вышелъ, то бы Пріеняне лукъ ѣли, [се есть плакали.]

бояшебося, да изшедъ изъ града не плѣнится, но Послу Аліатову вшедшу во градъ, Віасъ повелѣ велику громаду

песка насыпать, юже пшеницею сверьху прикры, а другую рожью, и Послу показа, слышавъ же о томъ Аліатъ, примирися съ нимъ, и отступи отъ града.

РАЗУМНЫЯ ЕГО РѢЧИ.

Зри, да старыхъ и честныхъ мужей почитаеши.

Дерзость лишняя многократно досаду приноситъ.

Множество имѣнія имѣти, щастье хочетъ, но привоздержну быть, дѣло разумнаго есть.

Чужаго зла не воспоминать.

Неудобнѣе между двома пріятельма судъ судить, неже между непріятельми, отъ пріятеля бо единаго себѣ не пріятелемъ содѣешь, а отъ непріятелей оба пріятели будутъ.

безумна мысль есть вещей невозможныхъ хотѣти.

Что себѣ умыслишь, блюди при себѣ, немного говоря, то бо ненависть приноситъ.

Смотрѣніе люби. Недостойнаго человѣка имѣнія для, не хвали.

Мудрость всего лучши.

Издавна искушенныхъ друзей имѣй, и ихъ единою мыслію, а не единымъ возмездіемъ люби. Пріятелей такихъ подра-

подражай, которыхъ бы не срамился въ какой нуждѣ просить.

Двѣ вещи думѣ суть препоною, ускореніе и гнѣвъ.

ПИТТАКЪ Митильскій нѣкоего сотворшаго ему обиду, имяше его въ руку своею, егоже и наказати можаше, свободна отпусти, рекъ: лучше есть оставленіе, неже наказаніе.

Оставить бо вину, прилично доброй природѣ, а казнь свирѣпому естеству свойственно.

Тойже глагола: равную въ жену себѣ понимай, да возможеши жить въ согласіи.

Поемшимъ богатую, мужемъ, то какъ хочетъ, жена правитъ, и комедіи въ дому часто быть могутъ.

Съ равною скорой миръ, а съ убогою скорѣе.

Скуднѣе себя бери, богата бо гордится, инако, съ своимъ мужемъ жена не смирится.

Вопрошенъ: что есть избраннѣйшее; Отвѣща: добро творить и со всякимъ дружитися.

Что пріятнѣйшее; рече: добрый пріятель.

Что вѣрно; земля.

Что невѣрно; море.

ВІОНЪ бористенскій вопрошенъ, надобно ли женитися или ни ; сице рече : аще поимеши нехорошую , та омерзѣетъ , ащеже прекрасну , та многимъ помилѣетъ. Тотъ же красоту нарицаше чужимъ добромъ , ибо недолго держится человѣка.

Ибо красота на краткое время при человѣкѣ есть , аки не наша , сего ради подобаетъ памятовать тѣмъ , иже обыкли гордитися , егда увидятъ частицу красоты на лицѣ своемъ.

Жены прекрасныя смотрятъ высоко.
А съ красотою пускаютъ гордо свое око.

О семъ Стихотворецъ сице:

Красота добро кратко , подшедши подъ лѣта.
Малѣетъ, и своего лишается цвѣта.

Еже и инъ изрядно изобрази :

Сей лучь, иже на юныхъ ланитѣхъ блистаетъ.
Единымъ мгновеніемъ, и вдругъ изчезаетъ.
На всякъ день красота убываетъ лица.
Тако бо попускаетъ божія десница.

Вопрошенъ : кто бываетъ печальнѣйшій ;

Повѣда : иже въ дѣлѣхъ великихъ хочетъ быть высокимъ.

Шумитъ въ головѣ хотящему достигнути высокихъ дѣлъ, занеже и ходя за ними суетится, и нашедъ, чтобъ не потерять, боится.

По словеси Стихотворцову:

Не мала то печаль, умѣть животъ нажити.

больше того тщанїе, наживъ не погубити.

Имѣнїе называлъ жилами всѣхъ дѣлъ: имѣяй бо довольно денегъ, ко всякому дѣлу имѣетъ удобный приступъ.

Якоже глаголетъ Стихотворецъ:

Много деньги могутъ, а правда царствуетъ.

боярствомъ съ порою, и честь похотствуетъ.

И паки той же:

Сила, слава, лѣпота богатству послушны.

Въ мирскихъ и въ Царскихъ дѣлѣхъ суть прислушны.

Собравый сихъ, славенъ, честенъ бываетъ.

Правъ, мудръ, смысленъ, и царства достизаетъ.

Той же повѣда: яко великое нещастїе, не умѣть понесть нещастїя.

Во время нещастїя, потребно есть великое терпѣнїе и сердце крѣпко.

Не умѣяй же употребить, тѣмъ самимъ къ вящшему нещастію путь себѣ стелетъ.

Случися, нѣкогда ему пловущу кораблемъ съ людьми мало добрыми, впасти въ разбойники, и тамо шепчющимъ имъ между собою: бѣда наша, естьли насъ познаютъ: Біонъ же рече: и мнѣ бѣда, естьли насъ не познаютъ.

Угодно то лихимъ людемъ, егда ихъ не познаютъ, тѣмъ бо могутъ убѣжати того, и на что работаютъ, а добрымъ зѣло вредно, яко часто имъ случается по непознанію ихъ, чего бы не было, естьлибъ ихъ знали.

Подобно Архимеда землемѣрца и иныхъ побили, занеже ихъ не знали.

Той же повѣда, яко высокое мнѣніе о себѣ, есть великою препоною къ правдѣ.

Часто то бываетъ, кто о себѣ много мнитъ, тотъ всяку вещь легко ставитъ, и ни отъ кого учитися не хощетъ, аки бы всѣ умы въ себе собра, и тако той едва на исправленіе дастся. А смиренная о себѣ мысляй, на свой умъ не опирается, больше о людехъ, неже о себѣ разумѣя. Все аще что къ дѣлу слышитъ, въ память себѣ емлетъ, и тѣмъ по времяни высокимъ человѣкомъ и чистаго разсужденія бываетъ:

Узрѣвъ

Узрѣвъ нѣкоего богата скупа, рече: Се человѣкъ, иже не самъ селомъ своимъ, но село имъ владѣетъ.

Тойже о тѣхъ же глаголаше: яко крѣпкіе богачи толь великое радѣніе о богатствахъ имутъ, аки о собинныхъ, а имъже прибыли нѣтъ, и ни касаются имъ, аки быти чужимъ.

Видѣвъ человѣка печальнымъ лицемъ завидлива, рече ему: Не вѣмъ, о чемъ ты печаленъ, знатно или тебѣ нѣчто странно прилучилось, или кому что доброе учинилось.

Завидливый человѣкъ не меньши печалится о томъ, егда что кому пощастится, нежебы самому ему бѣда какая учинилась:

Того ради глаголетъ Стихотворецъ:

Завидливый сохнетъ о томъ,
Егда видитъ щастіе въ комъ.

Старость нарицаше пристанищемъ, къ которому люди отъ нещастія убѣгаютъ.

Якоже бо отъ бурь морскихъ къ пристанищу притекше блага чаютъ, тако и достигшіи старости, всякой нуждѣ вскорѣ конца ожидаютъ.

Той же прещаше ни единому старому ругатися, яко старъ есть, понеже всякъ желаетъ сподобитися стараго вѣка.

Глупъ

Глупъ разумъ ругатися тому, къ чему самъ достичь хощешь.

Славу называлъ матерїю лѣтъ, по сему, яко слава честна честныхъ людей по смерти ихъ вѣчно слыветъ, и краткому вѣку человѣческому лѣтъ прибавляетъ.

Тойже вопрошенъ: что глупость; рече: глупость ничто ино есть, точїю препона къ щастїю.

Глупымъ ни щастїя достичь, ни аще бы приснилось къ нему, употребляти умѣетъ.

АНАКСАГОРЪ Философъ славный, бѣ учитель Перикля Князя Греческаго, его же пришедша въ глубокую старость, презрѣ Периклїй. Философъ же улучивъ Князя того видѣть, сице его порече: О! Перикле, вси, иже требуютъ свѣтлости, наливаютъ лампаду масломъ. Являя то, аще малыя ради свѣтлости, масла не жалѣемъ, много паче человѣка ради достойнаго, жалѣти не подобаетъ ему всякихъ потребъ въ пропитанїе его.

Егда отъ Аѳинянъ во изгнанїе бѣ осужденъ, нѣкто рече ему: се Аѳинянъ лишился еси. На то отвѣща: убо они меня лишилися, не азъ ихъ.

Которые

Которые изрѣяютъ [отгоняютъ] людей достойныхъ отъ себя, чаютъ, что тѣмъ покорыстуются, но хуже себѣ, неже имъ творятъ, а егда нужда прилучится, паки ихъ къ себѣ сыскиваютъ.

Ужѐ ему изгнану бывшу, пріиде къ нему вѣсть, яко сынове его умроша, о семъ нимало движимъ печалію; рече: вѣдахъ, яко смертни родишася.

Той же сый близъ смерти, разболѣвся во градѣ Лампсакѣ, пріятелемъ же вопросившимъ его: велитъ ли по смерти отвесть себя въ Клазоменъ отечество свое; отвѣща: не надобно меня туды проводить по смерти, понеже на томъ свѣтѣ, отовсюду единака дорога.

АНАКСАГОРОВО УЧЕНІЕ СІЕ:

Бога хвали, пріятелемъ помогай.

Родителей почитай, никому не завиди.

Никому не кленись, за правду не гнѣвайся.

По уставомъ ходи, не поступай гнѣвомъ.

Добродѣтель похваляй, доброе размышляй.

Всякому дружбу соблюдай, бѣднаго не ругай. Добро твори, кому можешь, тѣмъ

тѣмъ много друзей наживешь. Что гдѣ видишь, тоя тайны ни кому не повѣдай.

ѲЕОФРАСТЪ Ересїй глаголаше: лучши вѣрить коню запрометчиву, неже слову вспыльчиву.

Коня муштукомъ удержать можешь, а слово изнесенное не возможно возвратить.

О семъ Стихотворецъ сице:

Что о комъ говорити и съ кѣмъ, крѣпко смотри, испытателей бѣгай, говорка ототри, въ ушахъ бо разверстыхъ рѣчь не держится, единожды речена, ужѐ не возвратится.

Той же глаголаше, ни едино иждивенїе больши, яко же время.

Инїи бездѣльныя забавы вымышляютъ, какъ бы время скоротать, и другъ другу за то благодарятъ, а того не вѣдятъ, что время вещь многоцѣнна, и великимъ стремленїемъ убѣгаетъ, яко и догнать не возможно, ни вспять когда возвратить, яко глаголетъ Стихотворецъ: Часы пловутъ, въ которыхъ скоро старѣемся. Дни бѣгутъ, удержать ихъ не надѣемся.

И паки: Ни вода збѣжавшая назадъ возвратится. Ни часъ, иже миновалъ,

напреди

напреди явится. И паки, время непрестанно бѣжитъ движенїемъ, аки рѣки быстрыя своимъ стремленїемъ.

Подобно времена въ равенъ уплываютъ, и новости вседневны тому подражаютъ.

Сѣдя на пиру всегда молчащему; сице рече: Аще глупъ сый сїе творишь, то разумно творишь, аще разуменъ сый, молчишь, творишь сїе гораздо глупо.

Глупому всего лучши молчать, такъ бо уйдетъ, не до конца за глупого, а разумному ни безпрестанно молчать, ни лишнее говорить пристойно.

Той же повѣда, дать мечь бѣшенному, а власть человѣку злому, едино есть.

КРАТЕСЪ Философъ хотящимъ отъ наго вѣдати: что прибыли ему Философїа принесла, сице повѣда: Та мнѣ корысть отъ Философїи, яко малымъ довольствуюся, и ни о чемъ не печалюся.

Тѣмъ иже отъ похоти удержатися не могутъ, тѣ лѣкарства показывалъ, яко похоть цѣлима бываетъ гладомъ, а ежели то не поможетъ, того само время лишитъ. Аще и такъ исправленїя не послышиши, то конечно излѣчитъ смерть.

И сїе

И сїе повѣда, яко нѣсть человѣка безъ порока.

О семъ пишетъ Орацїй.

безъ порока како́ва никто же родится.
блаженъ, иже никогда ими бѣдится.

О дружащихся со ласкательми повѣдалъ: яко тїи токмо суть на поруганїе выданы, аки овцы посредѣ волковъ.

богатства людей вотчинныхъ и спупыхъ сказываетъ быть подобны Финиковымъ древамъ высоко на росполинахъ каменныхъ сущимъ, аще бо бы тамъ и многоплодны родились, человѣкъ не добудетъ плодовъ, точїю птицамъ отъ нихъ корысть, подобно богатствами вотчинныхъ и богатыхъ людей только потаковщики насыщаются.

Царь Александръ, Государь податенъ зѣло, любляше людей ученыхъ, яко Аристотеля ради Философа градъ Стагиритъ, идѣже родися, изрядно устрои, и каменемъ оградй. Тужъ милость хотяй явити и Кратесу, вопроси его: хощетъ ли да отчина его построена будетъ, бѣ бо тогда разорена. На сїе Кратесъ отвѣща: не надобно, аще бо бы нынѣ и гораздо устроена была, тобы пришедъ инои Александръ паче разорилъ.

Являя

Являя яко на свѣтѣ ничто есть надежно и крѣпко, что единъ построитъ, то другой разоритъ, единъ пожалуетъ, другой отъиметъ.

Кратесъ сему научаше: Ни о комъ зла не говори, только слушай, что злое о комъ говорятъ, да ты таковъ не будеши. Слыша много, говори мало. Прежде уразумѣй рѣчь, потомъ оныя касайся: отъ юности учись мѣрности и воздержанія, на старость мудрости и добраго совѣта.

Добраго чти, злаго не жалѣй.

Добрымъ многимъ вредитъ, кто злымъ попущаетъ.

ЗИНОНЪ узрѣвъ нѣкоего самолюба, что по малу и бережно ступалъ чрезъ проточину; сице рече: дѣльно дѣлаетъ, что болото минуетъ, занеже въ немъ осмотриться не можетъ.

Хулящему нѣкоему Антисфена Философа вопроси его: есть ли что въ Антисѳенѣ, еже бы въ немъ не годно было; одному рекшу: не вѣмъ, глаголетъ Зинонъ: не стыдъ ли ти, яже Антисѳенъ забылся проИзрече: къ тому абіе ты прилѣпился и не забываешь, а въ чемъ дѣло говаривалъ, того не помнишь.

Въ обычай вниде, яко въ чемъ либо человѣкъ ошибется въ письмѣ или въ словѣ, то всѣ за то хватаются, а что разумно на письмѣ или словомъ издастъ, то въ ничто вмѣняютъ.

Къ юношѣ многоглаголиву сице рече: твои уши въ языкъ выросли. Являя, яко юному подобаетъ много слушать, а мало говорить.

Часто глаголаше, яко людемъ больши всего времяни не стаетъ, инїи всуе дни проводятъ, а разумнымъ на надобныя дѣла время не стаетъ, оттуду нѣцыи о краткомъ вѣцѣ тужили, яко хотяще постигнути вещей высокихъ въ наученїяхъ, краткостїю вѣка достичь не могли: Сего ради Иппократъ древнїй Докторъ въ началѣ своихъ писанїй глаголетъ: художество долгое, животъ кратокъ.

Вопрошенъ бывъ, что есть добрый прїятель; рече: прїятель добрый есть, вторый азъ.

Слышавъ нѣкоего юношу многоглаголющаго, сице увѣщева: сего ради имамы два уха, а уста едины, да больше слушаемъ, а меньше говоримъ.

Послы Царя Птоломея, многихъ ученыхъ къ себѣ на почесть призваша, и крѣпко прислушивали Зинона, и яко

зѣло мало глаголаше, уразумѣть не возмогли, сего ради рекоша ему, да повѣстъ имъ, какову бы о немъ вѣдомость Государю своему донесли. На то таковъ далъ отвѣтъ: Сице повѣдайте о мнѣ, что видѣли нѣкоего старика, иже умѣетъ на пиршествѣ молчати.

Тотъ вредъ многихъ держится, яко при пирахъ много говорятъ, являясь разумными, а человѣкъ разумный, или молчитъ, или такъ умѣрится, чтобъ инымъ говорить досталось.

Тойже повѣда, лутче потknуться ногою, неже языкомъ.

Вопрошенъ: коего сердца тогда бываетъ, егда кто его лаетъ; повѣда: такова сердца есмь, яко егда бы отвѣта не давъ Посолъ, отпущенъ былъ.

Тойже, егда человѣка своего за вину велѣлъ высѣчь дубцами, а онъ отговаривался, что рокъ его былъ такъ провинитись. *Отвѣща*: и то потомужъ рокъ былъ, еже ти быть биту.

Обычай многимъ вины свои, или року причитать, или на дïавола валитъ. Того ради глаголютъ, егда правятся, такъ богъ изволилъ, или то сатана на меня навелъ, но богъ нѣсть виновенъ злу, а отъ дïавола удобно отгрестися мочно, егда видя злое, не коснешися тому.

 Отъ

Отъ ученій Зинониныхъ сіе избранно: Тайнѣй у тебе той вещи подобаетъ быти, юже слышиши.

Потаковщиковъ, вѣдай, твоимъ всегда быти сѣтямъ.

Нѣкоему говорливому человѣку рече: естьли бы ты моима ушима слышалъ, молчалъ бы.

И тако учаше, не спѣши говорить, слушай много. Кто не умѣетъ молчать, не умѣетъ и слушать, лучше егда единъ доброй хвалитъ, неже много злыхъ.

Глупость есть завидѣть богатому и смѣятися бѣдному.

Что кому здѣлаешь, того себѣ отъ иного жди.

Кто всегда бережется, тотъ безъопасно ходитъ.

МЕНЕДЕМЪ, егда его Никокреонъ Царь Кипрскій призва купно съ прочими Философы на торжество честно къ себѣ, рече къ нему: О Царю, аще дѣло добро есть то, еже имѣти кругъ себя людей ученыхъ: того ради пристойно то всегда чинить. А ежели не чинить, то и нынѣ напрасно сіе ты сотворилъ, что насъ къ себѣ призвалъ еси.

Велія

Велїя великому господину красота, еже имѣть при себѣ людей ученыхъ, и совѣта ихъ держатися, тїи бо лучше усматривать могутъ, что есть пристойное и что ни, и чему щастїе и чему паденїе послѣдуетъ.

У негожъ, егда Антигонъ совѣта просяше, на бесѣду итти ли ему или ни; помолчавъ мало, ничтоже больше отвѣща, точїю: Царевичь еси.

Аки бы реклъ, яко не подобаетъ тому пиршествами упражнятися, егоже вѣнецъ ожидаетъ.

Нѣкоему глаголющу, яко всего лучше есть, еже бы доступить всего того, чего человѣкъ желаетъ, Менедемъ рече: много паче лучше ничего не желати, кромѣ вещи пристойныя.

Мнози суть очесъ ненасытныхъ, что видятъ диковины, то все видѣлибъ у себя, и нетокмо что видали, о томъ пекутся, но чего и не видали.

Пишутъ о Царѣ Александрѣ, иже слышавъ отъ Философовъ повѣдающихъ, яко не единъ есть свѣтъ, но мнози, плакаше глаголя: Увы мнѣ! яко азъ и единаго еще подъ власть свою не покорилъ свѣта.

СТИЛБОНЪ Философъ, егда Царь Македонскій плѣни градъ Мегару, откуду онъ бѣ, и призвавъ вопроси его, не плѣниша ли воини имѣнія его, хотящъ ему отдати;

Сице отвѣща: Отъ моихъ у мене ничтоже есть взято, и не видѣхъ еще, дабы кто у меня разумъ отнялъ.

Философъ не вмѣняше имѣнія въ дѣло, токмо мудрости; еже есть сокровище неотъемлемое.

Той же Царь плѣнивъ всю невольничью челядь, и отъѣжжая рече: оставляю вамъ градъ свободенъ. Стилбонъ ему отвѣща: воистину свободенъ, ни единаго бо невольника въ немъ ты не оставилъ.

Всѣмъ взирающимъ нань, единъ рече отъ нихъ: Се како тебѣ дивятся аки нѣкоему звѣрю; на то имъ отвѣща: Не яко звѣрю, но яко истинному человѣку.

Философъ бо разумомъ правимый, межъ народомъ есть аки новина, для того дивятся.

ДЕМОНАКСЪ Философъ повѣдаетъ: не подобаетъ на людей гнѣватись, егда въ чемъ провинятся, но паче вреды ихъ исправлять по образу лѣкарей, иже не гнѣва-

гнѣваются на страждущихъ, но въ нихъ болѣзни лечатъ. Не всегда гнѣватися подобаетъ, но времянемъ представить вину, и какъ человѣку свободитися ея, постоянно явить, и тѣмъ скоряе доброе что содѣетъ, неже крикомъ.

Вопрошенъ сей: Когда нача забавлятися Философію; отвѣща: Въ то время, егда самъ себе познати начахъ.

Нѣкто борецъ, яко Демонаксъ обличи его, заеже одѣяся красно на борьбу, удари каменемъ въ лобъ и окровави его, всѣмъ убо глаголющимъ жалѣя его, да идетъ къ градоначальнику; онъ отвѣща: что дѣлать у градоначальника, лучше итти къ лѣкарю.

Той же вопросилъ нѣкоего, и пріялъ отвѣтъ ярыми словами, рече ему: Азъ тя вопрошаю, а ты со мною глаголешь, аки бы нынѣ ты Царь Агамемнонъ.

Имутъ обычай нѣцыи въ малой вещи, употреблять словъ необычныхъ.

Агаѳоклей высокоумствуя о себѣ хваляшеся о семъ, яко онъ единъ бѣ Діалектикъ и лучшій отъ Діалектиковъ, того сице на стыдъ приведе Демонаксъ: аще единъ точію Діалектикъ, то како можешь быти лучшій, а естьли лучшій, то како можешь быть, да будеши единъ.

Узрѣвъ нѣкоего, яко надымашеся вздѣвъ на себя ризу багряну, пошепта ему на ухо глаголя: Сїе прежде сего носила овца, однакожъ не лучше чего была, но токмо овца.

Люди мѣлкаго разума мнятъ, что много имъ прибудетъ отъ того, егда что дорогое вздѣнутъ на себя, а та одежда многоцѣнная, или отъ овчей волны бываетъ изткання или изъ шелка, егоже червечки маленькїи дѣлаютъ, или изъ иной какой худыя вещи.

Къ Лакедемонянину нѣкоему, иже свирѣпствова на невольника своего, сице рече: Престани являти себе подобна невольнику своему.

Той яко невольникъ есть, иже не можетъ свободитися отъ страстей своихъ.

Офицеръ нѣкто имый во врученїи своемъ отъ Воеводы немалое воинство, совѣта просилъ у него, како возможетъ тотъ чинъ себѣ врученный добрѣ управить; тому таковъ даде совѣтъ: аще не будеши сердитъ, и мало говоря, будешь много слушать.

Владѣющему воями, не подобаетъ яростїю поступать, занеже тотъ часъ остудится, не будетъ имѣти доброхотящихъ себѣ, подобаетъ же болше слушати, неже глаголати. Такову бо

со-

сокровенну быти подобаетъ, свои совѣты не оказывать, а чужихъ накрѣпко выслушивая вывѣдывать.

Вопрошенъ Философъ, ястъ ли пряники; отвѣща: или чаешь, что для дураковъ токмо пчелы медъ збираютъ.

Егда совѣтова ему Епиктитъ Философъ, дабы женился, являя то за прибытокъ Философу; отвѣща: дай за меня дщерь свою.

Обличая его, что не дѣло глаголаше, иному бо то совѣтовалъ, чего самъ не исполнилъ, Епиктитъ бо не бѣ женатъ.

ПИѲАГОРЪ повѣда, яко во общїе народы вносится роскошь, потóмъ насыщенїе, посемъ насилїе, а наконецъ пагуба.

Той же повѣда, велико то ученїе, которой стерпѣть можетъ, и покрыть глупость человѣка безумна.

Той же глагола, вящшее есть совѣсти грызенїе паче тяжчайшихъ мукъ. О мученїи совѣсти пространно пишетъ Ювеналъ, межъ иными дѣлами и сїе воспоминаетъ:

Тїи трепещутъ, егда молнїя блистаетъ.

И на землю бездушныхъ громомъ простираетъ.

 Вопро-

Вопрошенъ: что творитъ людей подобныхъ богу; рече: ничто ино, яко правда говорить всегда, и стоять при ней постоянно.

УЧЕНІЕ ПИѲАГОРОВО.

Тѣ вещи наипаче да имутъ быти отдалены отъ человѣка, немощь отъ тѣла, невѣденіе отъ ума, похоть злая отъ плоти, отъ града несогласіе.

Доброту и благостыню по бозѣ перво любити, та творитъ людей блискихъ къ богу.

Гнѣва елико кто убѣгаетъ, толико больши его гонитъ, и препону ему творитъ. Тогда сами на себя гнѣватись начинаемъ, егда на свое зло гнѣваемся, но конецъ гнѣва есть начало покаянія.

Тотъ нѣсть свободенъ, кого высокая мысль надуваетъ.

Инымъ благъ быти не можетъ, иже себѣ золъ.

Двѣ вины суть женска плача, одна отъ истинныя милости, а другая отъ лести и лжи.

Вопроси нѣкто Пиѳагора, аще хощетъ богатъ быть; отвѣща: богатство небрегу, яко оно отъ щедроты гибнетъ; и скупость не допущаетъ его употребляти.

Видя

Видя нѣкоего въ красномъ одѣяніи глаголюща скверны рѣчи; рече ему: или говори рѣчи по твоему платью, или облекися въ одежды подобны твоимъ рѣчамъ и нраву.

Нѣкто отъ кощунъ Пиѳагора слушавъ, рече: лучше бы мнѣ со женами, а не съ мудрецами бесѣдовать; отвѣща: видимъ часто, что свиньи лучше валяются въ грязи, паче чистой воды.

Вопрошенъ: что есть на свѣтѣ новое; отвѣща: ничто.

Инъ же вопроси, что мудрость; отвѣща: размышленіе о смерти, ибо на всякъ день душа отъ тѣла изъити ожидаетъ.

АРХЕСИЛАЙ Философъ вопрошенъ, что то есть, яко отъ иныхъ сектъ Философскихъ многи пристаютъ къ Епикурамъ, а едва кто ко иной сектѣ; на то отповѣда: то въ томъ есть, что изъ мужей бываетъ каженникъ, а изъ каженника мужъ никогда не будетъ.

Являя, яко люди склоннѣе суть къ роскошамъ паче, неже къ добродѣтели: Епикуры бо роскошное житіе похваляютъ, а прочіе Философы житіе доброе любятъ.

КЛЕАНѲЪ нѣкоему обличающу, яко пужливъ, отвѣща: право реклъ еси, что есмь пужливъ, для того мало и провиняюся. Добръ такой страхъ, которой отводитъ отъ грѣха.

Поругаемь, яко старъ бѣ, отвѣща: радъ бы уже лишился сего свѣта, но егда слышусь, что здравъ и крѣпокъ, аще доведется писать или читать, то паки остаюсь.

ИРАКЛИТЪ Ефесскій повѣда: не менше стоять подобаетъ за уложенія и вольности, якоже за селеніе и градостѣніе.

Той же глагола: больше подобаетъ угасити обиду, дабы пожаромъ до иныхъ не доходила, нежели егда загорится во градѣ.

Мнози противнаго разума, егда загорится, бѣгутъ тушить, а кого изобидятъ, то въ смѣхъ полагаютъ.

ЕМПЕДОКЛІЙ узрѣвъ, что его сосѣди великія роскоши плодили, однакожъ изрядно строились, сице рече: наши Агригентины тако обильно живутъ, аки бы имъ утрѣ умереть; а строятся, будто имъ вѣчно жить.

ДЕМО-

ДЕМОКРИТЪ повѣда: скупые люди равно живутъ, якоже пчелы безпрестанно работаютъ, собираютъ, акибы имъ здѣ вѣчно жить.

Пчелы вещь трудолюбива, но не всегда себе ради трудятся: времянемъ бо нетокмо медъ, но и ихъ самихъ выдираютъ; подобно и скупые люди собираютъ съ великимъ промысломъ, еже потомъ въ чужія руки достается.

Демокритъ вопрошенъ: какое разнство между людей и животныхъ; отвѣща: разумно умствовати.

При бесѣдѣ нѣкоему молчащему сказа: отъ разумныхъ то имѣеши, еже молчати.

И то повѣда, яко приличнѣе скупому быть, неже со вредомъ чуждаго пріобрѣтенія искать, скупость требуетъ лечбы, а прибыль обиды.

КСЕНОФОНТЪ глаголаше: Въ то время наипаче подобаетъ Богу молитись, егда человѣку щастливо есть поведеніе, да нещастію приключьшуся, безбѣдно и съ доброю надеждою помощи прося къ нему притецемъ.

Той сице непщева, аще бѣ и язычникъ, а нынѣ опако нѣцыи творятъ и Хри-

Христiане, егда добро дѣлается, о бозѣ не радятъ, а егда нещастiе кое или болѣзнь принудитъ, тогда хотятъ быти богомольны.

ЕПИКТИТЪ Философъ повѣда: яко тiи не суть мерзостни богу, иже въ семъ животѣ различныхъ трудностей употребляютъ, и аки съ нещастiемъ борются.

АНАКСИМЕНЪ видѣвъ, что Александръ прiиде съ своими вои подъ градъ Лампсакъ съ тѣмъ намѣренiемъ, дабы разорити его, и изыде въ стрѣчу ему, его же бѣ и учитель иногда. Александръ же мнѣвъ, яко Анаксименъ Философъ идетъ къ нему ходатайствовати за градъ, и отводити его отъ намѣренiя его, абiе узрѣвъ его, ни ожидая дондеже изглаголетъ что, рече: Кленутися, Анаксимене, яко ни по которому образу сотворю о просимыхъ тобою. Сiя слышавъ Анаксименъ рече: молютися Царю, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да градъ сей Лампсакъ разориши. Узрѣвъ Царь, яко предвари въ намѣренiи, клятвы же преступить не лѣть бяше, повелѣ воемъ отступити отъ града.

Разум-

Разумный всегда есть полезенъ отчизнѣ, и не много мысливъ во всемъ угодити можетъ.

ХИЛОНЪ мудрецъ Лакедемонскій вопрошенъ, чѣмъ люди ученые превосходятъ неученыхъ; отвѣща: доброю надеждою.

Искусніи ученіямъ, обученіи въ добродѣтеляхъ и честно житіе ведуще, таковіи надежни суть добраго воздаянія за своя честная дѣла; а не брегущіи о добродѣтели, тіи не могутъ быть того надѣянія, да за злыя поступки воздастся добрымъ.

Тойже учаше, яко не подобаетъ ни на кого напущатись словами безчестными, да не глаголюще сущая по мысли, услышимъ досадная.

О семъ глаголетъ Терентій:

Иже глаголетъ, яже хощетъ;
Услышитъ, яже не хощетъ.

Вопрошенъ: что есть трудное, рече, всѣхъ вещей труднѣйше, тайну умолчати.

Тойже повѣда: не подобаетъ грозить никому, перво того ради, яко женское дѣло то, да и для того, что тѣмъ непріятель остереженъ бываетъ.

О женитбѣ сицѣвъ повѣда совѣтъ: жену поими съ среднимъ пожиткомъ, да вмѣсто жены не введеши въ домъ госпожи.

О семъ Стихотворецъ:

Вскую жены богатой не хощу пояти.

Вѣдай причину, чтобъ ей мною не владати.

Повѣда, яко къ мощи приложить подобаетъ и склонность, да не толико мочнаго боятся подвластніи его, елико почитаютъ, ибо не любятъ кого боятися. Научаше, да юноши старѣйшихъ почитаютъ, чтобъ впредь, егда они состарѣются, ихъ въ чести имѣли.

Древнее обыкновеніе, честь воздавать старѣйшимъ, а Лакедемоняне казняху, егда юншій не почтетъ старѣйшаго.

Тойже глаголаше: тако человѣку разумному подобаетъ умѣрити себе, да меншіи не пужаются его, а честніи дабы не гнушались.

Слышавъ нѣкоего хвалящагося, яко ни единаго имать непріятеля; абіе рече ему: а пріятеля имѣеши ли хотя одного.

Являя, яко дружба и недружба недалече другъ отъ друга ходятъ.

Тойже

Тойже учаше: егда кто кому добро сотворитъ, не подобаетъ того самому гласить ни поминать.

Нѣцыи такови суть, аще что кому добро сотворятъ, то всякому сказываютъ, а временемъ выговариваютъ, и тако свое добродѣяніе ни во что вмѣняютъ.

Повѣда, яко на всяку неудачу и трудность, лучше лѣкарство имѣти сердце постоянно и друга вѣрнаго.

Той же глаголаше: хотящему блюсти здравіе свое, всегда подобаетъ памятовать смерть.

Вопрошенъ бывъ, кая старость лучше; сказа, яже подобна юности.

Хранящіися изъ млада, имутъ старость легкую и подобну юности, а иже изнурившіи здравіе свое избытками и прочими случаями, тіи всю старость свою во стенаніи проводятъ, яко инъ хотѣлъ бы лучше умрети, нежели быть полумертвымъ, умереть лучше, нежели животъ подобенъ смерти вести.

Хилонъ вопрошенъ, что есть щастіе, отвѣща: есть неумѣющій лѣкарь, понеже многихъ обманываетъ.

Поучаше друга въ нещастіи лучше посѣтить, нежели въ щастіи.

Лучше убытокъ терпѣти, неже прибыль злую и неправедну.

Убытокъ бо единожды опечалитъ, а прибыль злая долго нудить станетъ.

Нещастливому не смѣйся.

Въ дому учись добраго господства, языкомъ разума не превосходи.

Не гнѣвомъ господствуй.

Вещей невозможныхъ не желай.

Закону повинуйся.

О комъ что глаголютъ, услышавъ соблюди то въ мысли твоей.

На камени или на оселкѣ злато и сребро познаешь, а добрыхъ людей самъ разумъ искушаетъ. Въ судѣ недруга егда судиши, суди, дабы уложенье соблюдено было.

АВРЕОЛЬ Философъ вопрошенъ, какую жену лучше пояти, убогую или богату; отвѣща: убогую питати не трудно, а богатыя нравъ понести, есть то, аки единъ адъ.

ХРИСИППЪ хотящимъ отъ него вѣдати, коея ради вины не хощетъ на ся пріяти правленіе общенародія, ту зададе причину, яко аще быхъ злѣ правилъ, не угодилъ бы богу, а ежели правилъ бы добрѣ, не угодилъ быхъ своимъ людемъ.

КЛЕ-

КЛЕОВУЛЪ мудрецъ повѣда, иже норовитъ злымъ, зѣльное зло творитъ добрымъ.

Той же глаголаше, кто обогатится отъ зла прибытка, той долго господствовати не можетъ.

УМНЫЯ УЧЕНІЯ ЕГО:

Другу добро твори, да лучшій ти другъ будетъ, недруга же зри, да сотвориши его себѣ другомъ.

Паче намъ подобаетъ блюстися зависти пріятельской, неже навѣтовъ непріятельскихъ, навѣтъ бо непріятельскій явленъ есть, а зависть пріятельская сокровенна и нечаянна на врежденіе.

Егда хощешь изъити изъ дому, перво помысли, что имаши творити, и житіе свое добрѣ уставь.

Люби ученіе, а невѣденія блюдися, граду совѣтуй полезное.

Свойство добродѣтели есть воздержаніе, а неправды ошаявайся.

Владѣть возжелѣньми, а съ женами въ содружествѣ не бывать и ни съ кѣмъ не ссориться.

Не смѣйся убогимъ, занеже у нихъ въ ненависти будешь.

Егда обогатѣеши, не спѣсився, а егда обнищаешь не скорьби.

ПЕРІАНДРЪ мудрецъ обыклъ глаголати, кто хощетъ быть страшенъ многимъ, многихъ подобаетъ и самому боятися.

Той же повѣда: елико кто богатѣе, толико печальнѣе.

Той же глагола: во время щастія ненадобно возноситися, а во время нещастія не подобаетъ отчаяватися.

Люди въ щастіи обилующе, прочихъ легко почитаютъ, а то имъ потомъ зѣло вредитъ, какъ споткнется. Егда приключится что противное, тотъ часъ отчаяваются, но лучше слушать сего Философа, въ дѣлѣхъ нещастливыхъ великосердеченъ и крѣпокъ явися, а въ великомъ гораздо щастіи разумно надутые щастіемъ парусы да опустиши.

Хотяй безбѣднѣе мучителей укротити, подобаетъ ему добротою а не одѣяніемъ гордымъ явитися, доброта бо есть покой, а мучительство злая польза.

Вещей злыхъ и мерзостныхъ не люби, ни говори.

Аще вещи суть и премѣнны, но честь та вѣчно пребываетъ. Нечестія своего не слави, да отъ того непріятелемъ не даси утѣхи.

Со

Со всякимъ дружися, а не раздражай никого. Что тебѣ годно, того держися.

Насильныхъ вещей стерегися.

Большому господину не противися.

Добродѣянїе воздавай, а къ бѣдному милостивъ буди.

Съ разумнымъ общися, а добрыхъ въ почитанїи имѣй.

Вещи правой послѣдуй, не судися о малой.

Опасайся поречения, слушай тебѣ належащихъ.

Во время отвѣщай, сице же твори да впредь не раскаешися.

Никому завиди, паче всего бѣгай поносу.

Добрѣ заслуженыхъ чти.

Роскошей блюдися.

Аще прегрѣшиши въ чемъ, премѣни изволение.

Дружбу храни паче всего.

Не вѣрь времяни, старѣйшихъ почитай, не печалься о бездѣлицѣ, смотри на себе самого.

Вѣдая себя быти смертна, не закладывай живота долголѣтна, обаче буди воздерженъ, аки имый долго жити, а никому не вреди.

Наживай дѣтей отъ честныя жены, да не поречется кто.

Во всякой вещи времяни ожидай, словомъ не ускоряй.

Дари, чтобъ съ прибылью было, дабы тя слово гладко не обольстило.

Не ругайся мертвому, ни въ небытіи кому.

Хощешь ли съ кѣмъ ссориться, помни его беречися, остави въ мирѣ всякаго,

А не досади никому.

СИМОНИДЪ егда пріиде ко Іерону Королю Сикилійскому, Король же видя его быти человѣка разумна, вопроси: что есть богъ? Философъ упросился на три дни. Мимошедшимъ же днемъ Королю просящу отвѣта, еще лишнихъ дней испроси на размышленіе, Королюжъ вопрошающу: коея ради вины толь долго о томъ думаешь? рече Симонидъ: се есть, елико вящше разсуждаю, что есть богъ, толико разумомъ не объемлю, и елико долѣе о томъ размышляю, толико являетъ ми ся вещь неудобнѣйша.

Той же, вопрошающу нѣкоему, что лучше человѣку; отвѣща: добрая совѣсть, что горше; рече: другой человѣкъ.

Вопро-

Вопрошенъ : кто истинно богатъ ;
Отвѣща : кто ничего не желаетъ.

Паки вопрошенъ , кто бѣдняе ; рече: человѣкъ лакомой.

Вопрошенъ, какое приданое большее невѣстѣ ;

Отвѣща: чистота и стыдѣніе.

Вопрошенъ паки, почему знать разумнаго; отвѣща : иже не вредитъ, хотя можетъ , неистоваго же по сему знать, иже хощетъ вредити, но не можетъ того достичь.

РѢЧИ ЕГО:

безбѣднѣе молчати, неже говорить, молчанія бо ради ни единъ въ безчестіе вниде, отъ многословія же мнози.

Не вини никого въ вещахъ противныхъ.

Утѣха есть невинному , не по правдѣ страдать.

Щастіе скоро оставитъ , а добрая надежда никогда.

ГОРГІЙ *Леонтинъ вопрошенъ*: како достиже таковаго вѣка , яко бысть ста седьми лѣтъ ; отвѣща : никогда лишняго употребляхъ въ яденіи и во иныхъ вещахъ.

Вопрошенъ : почто еще хощетъ жити на семъ свѣтѣ , занеже довольно ужѐ поживе ;

Отвѣща : не имѣю за что негодовати на свою старость.

Той же бывъ близъ смерти, утихъ мало, и друзи вопросили его, что творитъ ; отвѣща : сонъ сестрѣ своей ужѐ починаетъ меня предавати.

Смерть сестру сну нарицаетъ того ради, ничто бо подобно мертвому, яко человѣкъ спящій.

Иже легко кончается, такъ исходитъ, аки бы засыпалъ.

АНАХАРСИСЪ бѣ Татаринъ, но возлюбивъ ученіе, иде во Аѳины Философіи ради, и бысть Философъ, еже рѣдко въ Татарѣхъ бываетъ.

Той убо вопрошенъ: како кто піянство остудити можетъ; отвѣща: тѣмъ образомъ остудитъ, аще всегда предъ очи свои ставить будетъ людей пьяныхъ скверные нравы.

Той же вопроси: колико доски у кораблей толсты ; егдаже возвѣстиша, что не больше четырехъ перстовъ ; рече: таково далече и отъ смерти отстоятъ, иже по морю плаваютъ.

Вопрошенъ : коихъ людей больше, живыхъ или мертвыхъ ; отвѣща:

А по морю плавающихъ, въ которомъ числѣ полагаешь.

Руга-

Ругашеся ему нѣкто, что выродокъ былъ изъ Татаръ; отвѣща: мнѣ въ стыдъ моя отчизна, а ты въ стыдъ твоей отчизнѣ.

ЕПИКУРЪ повѣда, аще, яко природа употребляетъ, жити будешь, то убогъ не будешь, а естьли по прихотямъ, то никогда богатъ.

Глаголетъ бо притча: естество человѣческое малымъ довольно.

Начало спасенія есть, грѣховъ своихъ познаніе и о смерти помышленіе.

Печалитися не дастъ, кто учитъ безъ грѣха жить.

Кощунство излишній грѣхъ наноситъ, пированіе, со женами общеніе и иныя вещи къ пиру належащіе, веселія животу не приносятъ, но учтивые разговоры, и кроткое на пиру въ ядѣніи и питіи употребленіе.

ТИМОНЪ узрѣвъ нѣкоего всякой вещи дивящася; рече къ нему: и тому бы ты дивился, хотя насъ здѣ и трое, однакожъ у всѣхъ троихъ четыре ока.

Тимонъ бо и ученикъ его Діоскоридъ бѣста одноокі.

АПОЛЛОНІЙ Философъ вопрошенъ отъ Царя Вавилонска, како возможетъ

безбѣдно царствовати, отвѣща: аще многихъ почтиши и благодѣяньми своими взыщеши, и немногимъ ввѣрятися будеши.

ДИМИТРІЙ Ѳалерей Птоломею Царю Египетскому совѣтова, да возлюбитъ чтеніе книгъ надобныхъ. Ту пользу отъ того являя, яко чего не смѣютъ Царемъ и Княземъ пріятели говорить, то сами обрящутъ, часто книги прочитая.

Книги бо суть зерцало, аще и не гогорятъ, обаче всякому вину и порокъ объявляютъ.

ЕПИМЕНИДЪ мудрецъ Критскій.

Въ нѣкое время Царь Перскій, хотящь искусити сего, да намѣреніе свое премѣнитъ, и къ нему пристанетъ, посла ему многое число денегъ. Послы же пришедше тому обѣдающу, онъ повелѣ ихъ пустити къ себѣ, ядый же масло сице къ нимъ рече: слышите, обѣдъ сей измѣнника слышитъ, того для отнесите назадъ деньги къ Царю, ибо деньги лакомому мука, свободному честь, а измѣнникомъ смерть.

АПУЛЕЙ мудрецъ Аѳинскій, егоже ученія сія бяху:

Ничто

Ничто же богу подобнѣе есть, точію мужъ достаточнаго разума.

будеши ли богатъ, не вѣрь щастью.

Младъ ли еси, будешь и старъ.

Красенъ ли еси, пожди мало, и не будеши таковъ, но иже ученъ и мудростію одаренъ, того хвали, старъ или младъ, не бо то имать отъ отца по наслѣдію, ни по прилучаю, ни отъ міра сего премѣннаго.

Убожество учтивое лучше грады правитъ, ибо оно есть учител всѣхъ художествъ, тѣмже всякія славы достойно, и всѣми роды чтимо быти имать, то всѣ во Аристотелѣ бѣ праведно, въ Платонѣ добротворно, во Епаминондѣ удачно, въ Сократѣ мудрое.

Таково убожество людемъ Римскимъ Цесарство и первенство содѣяло, но потомъ гордость по обилію и богатству къ паденію оное приведе.

ЕРМИСЪ мудрецъ Египетскій, иже и Трисмегистъ [сирѣчь тревеликій, занеже славяше бога въ Троицѣ] бѣ нареченъ, во Аѳинѣхъ пребысть, той сто осьмьдесятъ селъ насели, и тыя вся къ закону божію приведе, и къ познанію правды и во презрѣніе свѣта, и къ соблюденію правды людей, елико можаше

жаше ученїемъ своимъ приведе, егоже сїя суть повѣсти:

Хотящему премудрости держатися, подобаетъ злыхъ дѣлъ ошаяватися.

Блюди себе отъ владѣющихъ надъ правдою, убожество съ добрыми дѣлами лучше люби, паче прибыли сущїя со грѣхомъ.

Соблюсти въ думѣ тайну, есть велика доброта, не разрѣши языка на непрїятеля твоего.

Блюди себе отъ клеврета зла, завидлива, строптива, игрателей, ругателей гнѣвливыхъ и несмысленныхъ.

Не завиди злому, егда ему добро поводится, злыя слова да не изыдутъ изъ устъ твоихъ, терпѣнїе есть оставить тогда, егда можетъ отмстити.

Иже разумныхъ въ чести имѣетъ, той правду любитъ и добро творитъ.

Бѣденъ той на семъ и на ономъ свѣтѣ,

Кто ученїе и премудрость оставляетъ.

Лучже свободный въ поученїи, неже въ богатствѣ; велико милосердїе есть, еже о глупомъ милосердовати, безбѣднѣе всѣхъ, иже грѣха не имать.

Тотъ

Тотъ не можетъ истинно совершеннаго разума быть, иже въ чистотѣ себе не блюдетъ.

Лучше самому себя наказывать, неже иному. Вся погибнутъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ, все измѣнится, кромѣ естества, все исправитися можетъ, кромѣ злаго дѣла.

Все измѣнится, кромѣ суднаго дни.

Погрѣшенїе разумнаго человѣка, много иныхъ блазнитъ.

Княземъ и вельможемъ прилично сглагольниковъ и ласкателей у себя не держать.

Лучше быть безплодну, неже сыны имѣть злонравны.

Не вѣрь глаголющему, яко любитель есть правды, егда что противъ ее творитъ, или говоритъ.

ПЛАУТЪ Стихотворецъ Комицкїй, ученикъ Туллїевъ, не имѣя инаго дѣла, токмо комедїи слагалъ, бѣ бо зѣло благоязыченъ. Изъ письма его сїя ученїя его выбраны:

Деньги суть причиною хлопоты.

То первое добро, кто при своемъ стоять хочетъ. Аще за службы свои воздаянїя не желаемъ, сами себе облыгаемъ.

То

То дивно, которой тебя знаетъ, гнушается, а кто не знаетъ, любитъ.

Въ дружбу и въ вѣрность шута не принимай.

ВАРРОНЪ Марко красноглаголатель Римскій, бѣ мужъ ученъ, разума остраго, во всѣхъ дѣлѣхъ мирскихъ зѣло объятенъ, изъ книгъ его здѣ нѣкія рѣчи положены: Одному противъ многихъ вымышлять, блазнь есть.

Дара, каковъ ни буди, аще не есть благодаренъ, не вмѣняй его въ благодѣяніе, но въ хищеніе.

Мерзско есть уповати на дачу, а утѣшное дѣло за доброе воздавать.

Друзья богатыхъ суть мякина около зерна.

Хощешь ли друга отвѣдать, явись ему печаленъ.

Согласіе и нравы добрые въ обще укрѣпляютъ, а живущихъ вкупѣ разумы исправляютъ.

КСИСТЪ мудрецъ, егоже ученія сія суть:

Каковъ хощешь быти, егда богу молишися, таковъ всегда буди,

Каковыхъ хощеши своихъ ближнихъ къ себѣ имѣти, таковъ самъ къ нимъ буди.

Что

Что доброе твориши, вѣждь яко то отъ бога есть.

Ничто за доброе полагай, еже воръ отнять можетъ, то токмо въ добро имѣй, что есть богу угодно.

Одѣянїе души твоей вѣждь, яко есть тѣло твое, сего ради соблюди оное отъ оскверненїя.

Души смерть не погубитъ, но злое житїе.

Ушей твоихъ невсякому ввѣряй.

Разумный любитъ бога, а богъ душу разумнаго.

СЕКУНДЪ мудрецъ; иже во Аѳинѣхъ бѣ, написа сїе:

богъ есть умъ безсмертный, высота недомыслимая, ипостась всѣхъ вещей, око неусыпающее, вседержительное, свѣтъ человѣческїй.

ГАЛИНЪ Докторъ преславный, егоже ученїя сїя суть:

Ученїе глупому ни въ чемъ не полезно, ни разумъ тому свойствуетъ, егоже кто не употребляетъ

Человѣкъ возвышенъ, тогда разумомъ управляется, егда самъ себе познаетъ.

Та

Та есть большая мудрость, еже самаго себя знать, да люблѣнїемъ самого себе человѣкъ не обольститися, такожде да не возмнитъ себе быть добрымъ не бывъ такимъ, яко немощенъ доколѣ живъ, всегда лѣкарства смотритъ, дабы оздравѣть, котораго совершенно достичь не можетъ.

СЕНЕКА мудрецъ, сїя ученїя изъ книгъ его избраны суть:

Ученїе и наказанїе творитъ благїе нравы, и уразумѣть себя гораздо учащемуся, благое обыкновенїе то вонъ изгоняетъ, чего набралось злое.

Многихъ, иже суть житїя раздѣльнаго, смерть безвѣстна сравняетъ, сего ради всякїй день аки послѣднее смотрѣнїе быти имать

Лакомство стараго, морскому чуду есть подобно.

Миръ съ людьми, а со грѣхами всегда борьбу имѣй.

Иному буди въ незнаемствѣ, а самъ себѣ никогдаже.

Удобѣе человѣку убогу осужденїя гонзнути, неже богатому зависти.

Начало спасенїя есть, грѣховъ познанїе.

Вся

Вся дѣла съ дѣлами твоими да равняются.

Тотъ бо разумъ нѣсть правъ, егоже дѣла отъ вещи дѣлятся.

Яко хожденіе умѣренно прилично человѣку разумному, такожде и рѣчи разумнаго подобаетъ быти учтивой, а незапинаемой. Вси влечемся къ радости, но откуду можемъ ея сподобитися, не вѣмы.

Разумный же никогда безъ радости не бываетъ. Радость же таковымъ не родится, токмо отъ благости и ученія.

Такова ни тлѣетъ, ни измѣняется.

Щастіе чего тебѣ не дало, того не отойметъ. Прежде старости размысли добромъ жити, потомъ добромъ умереть.

Иже бѣгаетъ чиноначалія, тяжкое бремя съ себя слагаетъ.

ВОЕЦІЙ мудрецъ римскій и житель, бѣ мужъ постояненъ и любитель правды, предстательствова противу насильникомъ творящимъ обиду убогимъ.

ПРИТЧИ ЕГО СУТЬ СІЯ:

Трудность ученія всякаго, человѣческимъ тщаніемъ умягчаема бываетъ.

Мудрость никому ничего, или мало безъ правды пользуетъ, подобно вѣденіе

безъ мудрости зѣло мало, или ничего не платитъ воздаянїемъ.

Кто въ ученикахъ не бывалъ, тотъ учителемъ не будетъ.

Нѣсть достоинъ ученія, иже наставленія учителева не пріемлетъ терпѣливо.

Вино въ мѣру употребляемо разумъ остритъ, а безъ мѣры пїемо, разумъ и здравїе портитъ.

Смыслъ честенъ, память изобразуетъ, а забвенїе глупость наноситъ.

безъ тщанія едино ученїе не можетъ быть соблюдено. Нужное художество есть всегда чужаго домовидства употреблятти. Вещи разумными людьми творимые, добры суть.

Кто на небѣ сидѣнїе и мѣсто обрѣте, тотъ отказу не боится.

Ежели что правленїемъ пройдено будетъ мимо, то добраго конца не достигнетъ.

Человѣкъ разумный нетокмо о началѣ тщится, но и о докончанїи.

Лакомство творитъ людей небрегомыхъ и завистливыхъ, а щедрота прїятныхъ.

Естество немного требуетъ.

Щастїе того не можетъ намъ дать, что естество отъемлетъ.

Слу-

Служебники невѣрные, суть утробы вредительны въ дому. Имѣніе, еже кто имать, часто въ убытокъ доводитъ.

Аще страха божія не будетъ, весь свѣтъ погибнетъ.

Мысль человѣческая по естеству отъ хотѣнія своего къ доброму склонна, но заблужденіе щастія ону облыгаетъ, и похотьми оболщеваетъ.

Всякая болѣзнь нѣсть такова вредна, яко супостатъ домашній.

Между разумными нѣсть ненависти, прилучай есть сотвореніе вещи нечаянной безъ хотѣнія сотворенное.

О! дабы люди размышляли, что имутъ размышляти; разумѣли, еже потребно есть разумѣти; видѣли, еже имать видимо быти; слышали, еже подобаетъ имъ слышать; творили, еже имать быти творимо; во всемъ бы довольность имѣли, и никогда бы другъ другу противни были.

Человѣче смерть помни, а самого себя знай, познай, кто еси, отъ чего зачался, такожде и родился, яко и умреши.

Аще младъ еси, состарѣешися.

Аще красенъ, будеши абіе злообразенъ, различны премѣны на тѣлѣ твоемъ познаеши.

Въ единомъ состоянiи не долго пребудеши.

Вся бо, кромѣ бога, измѣняются.

Прежде времяни не былъ еси, и по маломъ часѣ не будеши.

Каково сѣмя, отъ него же родился еси, кую пищи матери твоей прiималъ еси, въ чемъ затворенъ былъ еси, почто же толикимъ хощеши, и за высокiя вещи хватаешься; прiидетъ время, яко ничто будеши, изъ земли изшелъ еси, и въ землю возвратишися, едина душа безсмертна есть.

Гдѣ суть предки наши, аки бы никогда не были. Сего ради аще премудрости сподобитися хощешь, прiими ю, и научися ея; она бо есть сокровище многоцѣнное и некрадомо, и отъ малаго человѣка творитъ велика, а отъ убога богата, отъ обща единаго.

Аще бо кто чести плотскiя не имать, той мудростiю отъ многихъ иныхъ почтенъ бываетъ, и много краты чины и дѣла тако воспрiемлетъ.

Сего ради блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость. Почитай точiю, и чтый научишися: ибо, кто добрѣ чтетъ, той съ богомъ бесѣдуетъ, и частымъ чтенiемъ человѣкъ разуменъ бываетъ.

КРАТ-

КРАТКИХЪ

И УЗЛОВАТЫХЪ ПОВѢСТЕЙ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЪ НЕЙ ЖЕ ПОЛОЖЕНЫ ПОВѢСТИ КЕСАРЕЙ РИМСКИХЪ, КОРОЛЕЙ, КНЯЗЕЙ, ВОЖДЕЙ ВОИНСКИХЪ, СЕНАТОРЕЙ И ИНЫХЪ ЧИНОНАЧАЛЬНИХЪ.

ЮЛІЙ Кесарь Римскій, въ нѣкое время незнатно хотящь перевестися чрезъ море, а буря толь велика возстала, что и самъ кормчій зѣло испужался, тако рѣче къ нему: не пужайся, Кесаря везеши.

На нѣкоемъ бою увидѣвъ знаменщика одной роты, яко нача назадъ бѣжати, ухватилъ его и въ передъ подалъ, и указавъ ему полки непріятельскіе, рѣкъ: а куды хощешь, се здѣсь тѣ суть, съ которыми бой начали.

Егда у стола начался разговоръ, которая смерть всѣхъ легчае;

Іюлій сказалъ: легчае всѣхъ неначаянная.

Которая его не миновала, занеже измѣною лучшіи отъ Римлянъ, зговорясь на него за то, что самъ только государствовати восхотѣлъ, и Монархомъ учинился было, въ Сенатѣ убили его, давъ ему 22 раны. Римляне бо по вся годы дву правителей, которые всѣмъ государствомъ правили, между себе избирали, ихъ же звали Употами, а Монарха надъ собою имѣти не хотѣли.

АВГУСТЪ Кесарь, егда пріиде къ нему та вѣсть, что Иродъ Царь Жидовскій вся младенцы въ Сиріи [искавъ Іисуса новорожденнаго] изби, посреди же ихъ ни сына своего пощадѣ, сице рече: такимъ дѣломъ, лучше у Ирода быть свиньею, нежели сыномъ его, Иродъ бо бяше Жидовинъ, а Жиды мясъ свиныхъ не ядятъ.

Тойже Кесарь не хотя нѣкоего юношу имѣти въ полкахъ злыхъ ради его дѣлъ, велѣлъ ему прочь ити; онъ же съ прошеніемъ моли, да не творитъ ему такова безчестія, глаголя: яко не возможно ему ко отцу на очи явитися съ тою вѣстію. Сице къ нему рече: егда вопросятъ тебя, чего ради съѣхалъ; скажи: что я тебѣ не полюбился.

Услы-

Услышавъ нѣкоего воина вельми о томъ хвалящася, что имѣлъ язву на лбу отъ удара каменемъ, такъ рѣче ему: въ другой рядъ, какъ тебѣ случится бѣжать съ побоища, накрѣпко берегись, дабы не смотрѣть назадъ.

Егда возвѣстиша ему, что единъ отъ благородныхъ римскихъ зѣло одолжалъ, и по его смерти долги толики обрѣлись, что весь его служилой нарядъ доведется продавать и долги платить. Приказалъ отъ его животовъ себѣ купить его одѣяло, тому егда всѣ подивились, рѣче Кесарь: молчите, зѣло мнѣ надобно одѣватись къ спанïю, понеже моглъ и онъ подъ нимъ спать, хотя столь много долговъ на немъ.

Долги сонъ любезный часто разрываютъ, и велицы вельможи въ нихъ не досыпаютъ. Тотъ же Кесарь, егда возвращашеся съ войны съ великимъ торжествомъ, изъиде ему во срѣтенïе нѣкто отъ небогатыхъ дворянъ, носяй съ собою ворону, которая научена была сице Кесаря во градъ въѣзжающаго поздравлять:

Здравствуй Кесарю Государь нашъ, непобѣдимый Воевода; тому Кесарь удивился, велѣлъ драгою цѣною заплатить.

То видѣвъ нѣкто сапожникъ убогой потщился учить ворона такому же поздравленію, а заеже воронъ не скоро въ то дѣло вникнути моглъ, тотъ сапожникъ при тѣхъ тамъ словахъ часто говаривалъ и то: тто и работа и протари ни во что, и хотя не скоро научился воронъ того поздравленія, явился съ нимъ Кесарю, и поздравила птица Кесаря, Кесарь же противъ того сказалъ: довольно имѣю такихъ поздравлятелей; въ то время птица и тѣ слова выговорила: тто и работа и протори ни во что. Сія слышавъ Кесарь, зѣло цѣнно велѣлъ заплатить.

Также и попугая и сороку, тоже говорить умѣющихъ, дорого купилъ.

Тому Кесарю бысть дщерь Юлія, у которой понеже прежде времяни въ головѣ почали волосы сѣдые являтись, велѣла ихъ у себя въ чертогахъ вырывать. Случилось, что засталъ Августъ, а ей щиплютъ тѣ власы сѣдые, и сперва ничто рѣче, потомъ въ разговорѣ помянулъ и о старости, и вопросилъ дщери своей, что бы себѣ изобрала, сѣда ли быть или плѣшива, егда она рѣкла: лучше быть сѣдою. Августъ рѣче: почто же даешь тѣмъ госпожамъ щипать у себя власы, дабы тебя прежде сотворили плѣшивою.

Егда

Егда дарили его Французы изрядною цѣпью золотою, Долябелья благородный Римскій, крѣпко ея добивался, а потомъ и явно просилъ, дабы его подарилъ. На сіе рѣче Августъ: лучше мнѣ подарить вѣнцомъ гражданскимъ.

Вѣнецъ гражданскій бѣ въ великой чести, аще отъ дубовыхъ и верьбныхъ вѣтвей бывалъ сплетенъ, а полковой и побѣдительный бывалъ золотной, и занеже Долябелья на войнахъ не бывалъ, для того ему Кесарь отказалъ въ дарѣ золотомъ, а почтилъ его честнымъ поминкомъ, яко добраго гражданина.

Егда о единомъ Французѣ Августу жена его била челомъ, дабы его припустилъ къ вольности Римской, не восхотѣ сотворити того никоими мѣрами, только отъ всѣхъ податей свободна его учинилъ, глаголя: лучше да изъ казны моей доходовъ что убудетъ, нежебы честность града Римскаго въ легкое почитаніе произходила.

Кесарь Августъ не былъ горделивъ, егда кто его на почесть звалъ, ни кѣмъ не гнушался; случися же быть ему на пиру у Полліона Римлянина, тамо по случаю челядникъ хозяйской разбилъ скляницу хрустальну, катораго госпо-

динъ взять велѣлъ, и бросить въ прудъ къ лютымъ рыбамъ муренамъ. Видѣвъ малой, что не шутка, припадъ къ ногамъ Кесаревымъ молилъ, да иною смертію будетъ казненъ. Тѣмъ разгнѣвався Кесарь, повелѣ вся сосуды хрустальныя побить, и въ прудъ побросать вмѣсто онаго челядница, а его на волю пустить. Полліона же наказа глаголя: идѣже Кесарь есть особою своею, тамо не токмо не подобаетъ человѣка казнити, но ни опечалити.

ТИВЕРІЮ егда письмомъ своимъ нѣкто докучалъ, яко зло о Кесарѣ говорятъ, сице отписалъ: За слова незачто бранитися; полно и того, что намъ никто зла здѣлать не можетъ.

Тиверій Кесарь толь смиренномудръ бѣ, яко егда нѣкто его нарѣче Государемъ, зѣло его неблагодарно прія, рѣкій: впредь не зови мя къ моему безчестію; сице:

Егда о немъ злая глаголали, и письма подметныя писали, друзья его поущали его, да отмститъ; но онъ сице на то отвѣща: Въ свободномъ общенародіи требѣ есть, да будетъ и языкъ свободенъ.

ОТТОНЪ умирая сродника своего сице увѣщевалъ: имѣй себѣ въ крайній поминокъ отъ меня, ни весьма забывай, ни лишнее памятуй, что имѣлъ ты дядю Кесаря.

Нѣцыи честныхъ сродниковъ имѣюще, гордо поступаютъ, потóмъ и до нужды приходятъ, иніи же не смотря на сіе, чину своего не брегутъ, обаче лучше всему мѣра.

ТИТЪ Веспасіанъ отъ друговъ своихъ зазрѣнъ бѣ, что никакому челобитчику не отказывалъ, но не медля прошеніе исполнялъ, хотя съ убыткомъ казны своей, сице имъ отвѣща: Инако мнѣ творить не годится, занеже не дѣльно, дабы кто бывъ у Кесаря, имѣлъ отъ него печальнымъ лицемъ отхододить.

Той же при трапезѣ вечерней нѣкогда рѣче: Даромъ день сей погубихъ, что сего дня никому ничего не даровалъ.

Егда два Вельможи на него совѣщались убить его, и свидѣтельствомъ то объявилось, Кесарь Веспасіанъ давъ имъ въ руки по мечу, самъ сѣлъ среди ихъ рѣкъ имъ: Да исполнятъ то, что въ мысли своей усовѣтовали. Егда же они ужаснулись, и руки отъ страха опустили, рѣче имъ: Зрите, яко государ-

ствованіе по смотрѣнію божію дано бываетъ.

Суетно тщаніе тѣхъ о томъ покушатися, дабы доступить, или доступивъ, дабы не потерять.

ТРОЯНЪ Кесарь имѣлъ изъ начала Епарховъ и поборцовъ великихъ грабителей, яко идѣже бы послышали о людехъ много имѣнія имѣющихъ, оклеветавъ ихъ, имѣнія ихъ похищали. О томъ увѣдавъ Кесарь, абіе унялъ такую обиду, рѣкъ: казна есть аки селезенка, егда напрягается и ростетъ, тогда сохнутъ иные уды.

Егда его въ томъ пріятели обличали, что не опасая величества своего ко всякому былъ склоненъ, сице имъ рѣче: Пристойно, дабы таковъ явился среднему человѣку, сый Кесарь, какова бы себѣ желалъ, егда бы я среднимъ былъ человѣкомъ.

АДРІАНЪ Кесарь видѣвъ невольнаго слугу своего ходяща межъ двѣма Сенаторы, послалъ слугу, да ударитъ его въ щоку, и тѣ слова скажетъ, не мѣшайся межъ такими, которыхъ невольникомъ быти можешь.

Едино-

Единожды, егда всѣ люди на игрищахъ съ великимъ крикомъ того домогались, чтобъ нѣкоего возницу свободою пожаловалъ, таковъ имъ далъ отвѣтъ письмомъ: то нѣсть пристойно, о чемъ просятъ: ибо, аще бы не своего невольника на свободу пустилъ, великая бы въ томъ дѣлѣ учинена была обида господину, чей онъ.

Просилъ его сѣдый человѣкъ, и не улучивъ прошенія, велѣлъ свои волосы очернить, и сызнова билъ челомъ. Кесарь же узрѣвъ, что обманомъ съ нимъ идетъ рѣче ему: Напрасно бьешь челомъ, отказано ужè отцу твоему.

АНТОНИНЪ Кесарь имѣлъ обычай, яко ни домашнихъ, ни воинскихъ дѣлъ безъ совѣта разумныхъ людей не дѣлывалъ, а говорилъ: лучше мнѣ держатися совѣта многихъ разумныхъ людей, неже имъ многимъ управляемымъ быти отъ меня одного разсужденіемъ.

АЛЕКСАНДРЪ Царь таковъ былъ щедролюбивъ, что никому въ прошеніи не отказывалъ, а кто ни о чемъ не бивалъ челомъ, тому такъ говаривалъ: почто мнѣ ни о чемъ не бьешь челомъ, или хощеши мя быти твоимъ должникомъ.

Во

Во время похода, егда кто изъ ратныхъ зашелъ бы въ чужее село, того жестоко наказывалъ, глаголя: Что не хощеши видѣть въ твоемъ имѣніи, того во чюжемъ не дѣлай.

Той же Царь всегда того стерегъ, чтобъ ратнымъ людемъ денегъ не задерживали, глаголя: Служивой ни о чемъ не тужитъ, когда одѣтъ, добрѣ вооруженъ, и хлѣбъ имѣетъ, и мало что денегъ.

Ветронія нѣкоего обыкшаго великіе подарки брать, обѣщавающа всякому много у Царя дѣлъ дѣлать, а всегда лгалъ, и егда на него довели, велѣлъ у столба привязать и курить подъ нимъ, а приставу указалъ громогласно кричать: Се того дымомъ подкуриваю, которой дымы продавалъ.

Егда АВРЕЛІАНЪ въ Тисъ градъ пріиде, врата заперли граждане, о томъ яростію движимъ великою, рѣче: Собаки въ томъ градѣ живой не оставлю. Сіе слышавъ воини, зѣло тому случаю ради были, надѣясь немалой корысти. Тогда единъ отъ гражданъ Ераламонъ, опасаясь, дабы съ прочими не погибъ, предался къ Кесарю и граду измѣнилъ. Кесарь взявъ градъ во свое владѣніе, гражданина

жданина того, яко измѣнника отчизни, казнить велѣлъ, а егда воини домогались, чтобъ по сему обѣщанію градъ предалъ на плѣненіе, тако имъ отвѣща: добро обѣщахъ собаки единой не оставить во градѣ, того ради избейте всѣхъ.

Тѣмъ онъ измѣннику мзду пристойну отмѣрилъ, а лишнія прихоти въ воехъ своихъ усмирилъ.

Тотъ же Кесарь зѣло не любляше обидъ отъ всевъ людемъ творимыхъ, яко къ намѣстнику своему, его же въ полкахъ оставилъ, такъ написалъ: Аще любишь здравіе твое, не попущай своеволить ратнымъ людемъ, да не похититъ кто у кого что, ни курицы, ни овцы, ни ягодъ изъ винограда да не берутъ.

ФИЛИППЪ Царь Македонскій, отецъ Александровъ, егда покори государства Греческія, совѣтовали ему нѣцыи, дабы грады осадилъ воями, дабы сънзнова не измѣнили, сице на то отвѣща: Лучше мнѣ, чтобъ меня долго добрымъ звали, неже на малое время.

Нѣкто отъ егожъ подданныхъ обыклъ говорить зло про него, его же наказати изгнаніемъ совѣтовали Царю, но онъ не восхотѣ того сотворити.

Вопро-

Вопрошенъ же о причинѣ, отвѣща: Того ради не хочу изгнати его, дабы шатаясь сѣмо и овамо, не говорилъ больше зла о мнѣ.

Два юноши оба ненадежны, приставили другъ къ другу, и пошли въ судъ предъ Царя. Царь же уразумѣвъ дѣло ихъ, таковъ учинилъ приговоръ: Одного приговариваю въ ссылку сослать, а другому велю за нимъ въ слѣдъ гнать.

АЛЕКСАНДРЪ Царь Македонскій, сый еще юнъ, отецъ рѣче ему: Да на игрищахъ Олимпійскихъ въ запуски съ кѣмъ бѣжитъ, отвѣща: Сотворилъ быхъ сіе, ежели бы то дѣло шло о выгрышѣ.

Онъ же отцу его Филиппу, ранену бывшу на войнѣ и хрому въ народъ выттти стыдящуся, рѣче: Нѣтъ то ничего отче, обьявись людемъ, занеже такъ ходя, лучше памятовать будеши храбрость. Тогожъ Александра нѣкто, Периклъ имянемъ, молилъ, да учинитъ ему вспомогательство, дабы возмоглъ дщери свои за мужъ выдать, приказалъ дать ему пятьдесятъ талантовъ. Егда же рѣче: много того мнѣ, довольно будетъ и десяти. Александръ рече: Тебѣ довольно толь много взять, но мнѣ не довольно толь мало дать.

Анаксарху:

Анаксарху Философу повелѣ толико дать, елико хощетъ; егда же начальникъ казны доложилъ Кесарю, яко многаго числа проситъ, се есть ста талантъ, повелѣ ему дать, рекій: Добро дѣлаетъ, яко вѣдаетъ, что имѣетъ такова пріятеля, который ему толь много дать и хочетъ и можетъ.

Единъ владѣлецъ, хотя имѣлъ градъ непреборимый, обаче добровольно здался Александру, онъ же нетокмо его при томъ имѣніи оставилъ, но и сверьхъ того ему придалъ, глаголя: Кажется, что не глупъ тотъ человѣкъ, иже похотѣлъ лучше здравіе свое ввѣрити храбру мужу, нежели крѣпкому мѣсту.

Увѣдавъ нѣкоего не добрѣ о немъ глаголющаго, ничто ино, только то рече: Царское дѣло еже добро творить, а злая порѣченія терпѣть.

Тойже вопрошенъ: гдѣ хранитъ свои сокровища; рече: у своихъ пріятелей.

Являя, яко то все надежно сокровище, которое полагаемъ у пріятелей.

Во время бо нужды емлемъ ихъ аки свое. Въ нещастіе, еже бо даруеши пріятелемъ, и чѣмъ кого когда взыщешь, то всегда напреди сыщешь.

Егда жалобы какой слушалъ, всегда одно ухо закрывалъ; вопрошенъ же, Для чего то творитъ; отвѣща: Другое ухо оставляю сторонѣ отвѣтчиковой.

Аристотеля Философа имѣлъ въ великомъ почитаніи, о которомъ такъ говаралъ: Не меньше долженъ есмь учителю своему, яко и отцу: отъ отца бо имѣю животъ, а отъ Аристотеля то имѣю, чемъ житіе мое добрѣ препроводить могу.

Имѣя въ плѣнѣ дщери Царя Персидскаго, дѣвы зѣло красны, не восхотѣ на ихъ красоту взирати, глаголя: Подобаетъ ми крѣпко сего опасатись, дабы побѣдивъ толь много народовъ, не былъ я побѣжденъ отъ женскаго пола.

Къ сему Александру принесше изъ казны Царя Дарія скрыну дражайшую, вопросили: Во что ея употребить, рече: По моему разсужденію всего лучше хранить въ ней книги Омировы; являя, яко ученія и писанія людей ученыхъ подобаетъ имѣти въ великой чести.

Егда великое воинство Даріево стало обозомъ недалече отъ обоза Александра Царя, хотя съ нимъ сразитися, Парменіонъ Воевода его, видя неисчетное множество полковъ непріятельскихъ, совѣтова Царю ночью на нихъ ударить.

Александръ

Александрь же не вдався совѣту его, рече: не обыкохъ красть побѣды, всегда честнѣе съ непріятелемъ явнымъ боемъ битися, а не обманомъ.

У древнихъ язычниковъ бѣ обычай: людемъ ученымъ или храбрымъ въ память ихъ отъ мѣди или иной какой вещи личины ставити, такова личина бѣ и Ахиллесова, къ которой пришедъ Александръ, украсилъ оную вѣнцами, глаголя: Щастливъ еси Ахиллесе, иже при животѣ твоемъ особаго друга имѣлъ Патрокла, а по смерти преславнаго Стихотворца Омира, иже пишетъ о храбрости твоей.

Дѣла человѣческія хотя бы пречестны были, абіе изъ памяти людской излетятъ, аще ихъ писанія людей ученыхъ не подкрѣпятъ. Инъ глаголетъ:

Скрытая добродѣтель мало отстоитъ отъ простаго невѣденія.

Егда ему писаніе отъ Антипатра поднесли, въ которомъ много недобрыхъ рѣчей написано на матерь Александрову, Александръ сице рече: Мнится мнѣ, что не вѣдаетъ Антипатръ, яко едина слеза матерьняя много листовъ почернить можетъ.

Дарій, Царь Персидскій, посла къ Александру послы своя дани ради, юже

прежде на всякъ годъ отъ Филиппа Царя бралъ, Александръ отвѣща имъ: Умерла та курица, которая Дарію носила золотыя яица.

Въ день нѣкій случилось ни едину человѣку къ Александру пріити битьчеломъ о жалованьѣ, рече онъ: Сей день не считаю во иные дни государствованія моего, понеже сего дни никакой милости никому я не явилъ.

Нѣкоему отъ служебникъ рече, иже никогда ни въ чемъ его не остерегъ, не годна мнѣ служба твоя; тойже вопроси, для чего? рече ему: Видѣлъ ты, что человѣкъ есмь, того ради не возможно, дабы когда въ чемъ не погрѣшилъ я, а ты по се время естьли какой во мнѣ проступки не видалъ, то ты глупъ, а естьли видя молчалъ, то моимъ измѣнникомъ еси, и явнымъ льстецомъ и лицемѣромъ.

АНТИГОНЪ, первый Царь Македонскій, егда ему дивилися, что учинився Царемъ, былъ свирѣпяе, а состарѣвся, бѣ великой склонности, сице на то отвѣщалъ: Въ то время надобно мнѣ было Царство, а нынѣ слава и доброхотство.

Возставъ

Возставъ иногда отъ зѣло великой болѣзни, сице рече: Не худо мнѣ учинилось, что болѣзнь меня остерегла, дабы я въ гордость не возносился, понеже есмь человѣкъ смертенъ.

Въ нѣкое время зимою приказалъ обозъ перевесть на такое мѣсто, гдѣ было приголодно, то занеже не по мысли было всемъ, начаша на него негодовати, что онъ тутъ же въ шатрахъ спалъ.

Онъ то слышавъ, рекъ имъ: Плакать вамъ будетъ, естьли не отойдете далѣе переговаривать зло про меня.

Егда Аѳиняне невольника его, хотя ему угодить, приняли въ жателя, на то Антигонъ рече: Не желалъ бы того я господамъ Аѳинянамъ, дабы единъ изъ нихъ былъ отъ меня кнутомъ сѣченъ.

Тойже Царь узрѣвъ, что сынъ его съ подвластными своими жестоко поступалъ, увѣщевалъ его: Сыне! или не вѣси, что наше государствованіе есть красная неволя.

Усматривалъ, что въ вольномъ государствѣ много полезно есть Государичу привлекати доброжеланія человѣческія смиренномудріемъ, а не отбивкою отъ себя жестокою.

АНТИГОНЪ вторый, егда хотяше сразитися съ воины Царя Птоломея, тогда при полкахъ не бывша, отводили его нѣцыи отъ того намѣренія, предлагая, что больше кораблей съ воинствомъ съ противной стороны, нежели съ его, онъ же не послушавъ совѣта ихъ, отвѣща: а то вмѣсто многихъ кораблей не считаете ли, что я самъ своимъ прибытіемъ при своемъ воинствѣ.

Являя тѣмъ, яко много на томъ состоитъ, егда самъ особою своею Царь присутствуетъ на войнѣ.

Тойже, Зинону умершу, егоже паче иныхъ Философъ почиташе, часто говаривалъ: Лишихся ужè зрѣлища дѣлъ моихъ.

Занеже той единъ, былъ ему за многія тысячи людей: всѣ бо дѣла на его одного разсужденіе полагалъ.

Тако подобаетъ почитать разсужденіе одного премудраго, паче многихъ малоразсудныхъ, еже и Платонъ честный Философъ, подтверждаетъ сими словесы:

Не подобаетъ намъ сего зрѣти, яко множество людей о насъ глаголетъ, но что единъ умѣяй, гораздо разсудитъ вещь, и что о насъ говоритъ, самая правда.

КИРЪ

КИРЪ старѣйшій Царь Персидскій глаголаше, яко ни единому подобаетъ промышлять на государствованіе, развѣ бы тому, которой во всѣхъ добродѣтеляхъ первенствовалъ предъ тѣми, надъ ними же имѣетъ государствовать.

Сей Царь любилъ чистоту, того ради мало бесѣдовалъ съ женскимъ поломъ, егдаже нѣкто имянемъ Арастъ, совѣтова ему, да видится съ нѣкоею госпожею, сказывая про нее, что зѣло красна, отвѣща: Паче всего тоя ради вины, яко есть красна, надобно ея беречися.

Аще бо единожды послушавъ твоего совѣта, посѣщу оную, можетъ тобыть, что я учащать буду, хотя и времяни на то не будетъ.

КИРУ юнѣйшему хотящу сразитися съ непріятелемъ, совѣтова ему нѣкто отъ вельможъ имянемъ Клеархъ, дабы сталъ на безопасномъ мѣстѣ за полками Македонскими, ненавѣтуемъ тамъ, гдѣ опасно, отвѣща: Совѣтуешь мнѣ не гораздо добро, чтобъ я объявилъ за собою то, еже не гожусь быть Царемъ.

КСЕРКСЪ, Царь Персидскій, хотящъ ратовати на Грековъ, повелѣ собратись воинству своему сухимъ и водянымъ путемъ.

Узрѣвъ же, яко поля всѣ покрыли ратные люди по берегамъ и по морю, и на катаргахъ много людей бѣ къ бою, которыхъ имѣлъ тогда седьмь надесять кратъ сто тысячь, утѣшился посматривая на такія войска, и причелъ себѣ, что бѣ щасливъ имѣяй толь много людей подъ собою.

Абіе же нача плакати, Артабанъ же дядя его и правитель почудився, откуду такая ему скорая премѣна, вопроси его о причинѣ плача; тогда Царь повѣда: Пришло мнѣ на мысль, коль кратко житіе человѣческое, ибо отъ такова неисчетнаго множества людей, ихъ же нынѣ вижу, во сто лѣтъ не будетъ ни одного.

Житіе человѣческое и кратко и не надежно, яко ни утрешняго дни можетъ человѣкъ себѣ обѣщати.

АРТАКСЕРКСЪ Царь, когда постельничей его побилчеломъ о непристойномъ дѣлѣ, уразумѣвъ, яко привелъ его на то нѣкій даръ, приказалъ казначею принесть столькожъ, и далъ постельничему; рекій: Возьми себѣ тѣ деньги, ибо то отдавъ тебѣ, не буду нищъ, а ежели учиню по твоему прошенію, конечно буду обидникъ.

ПИРРЪ Царь Епиротскій, сыновомъ вопросившимъ его: Кого по себѣ хощетъ имѣти наслѣдникомъ на Царствѣ; отвѣща: Того, которой отъ васъ будетъ имѣти мечь острѣйшій.

Являя, яко на престолъ Царскій подобаетъ избирать бодраго и храбраго.

Егдаже щастіе подалось ему на войнѣ, и воини его похвалили, называя его орломъ, онъ смиренно о себѣ мысля, сице рече: За вашимъ промысломъ есмь орелъ, и какъ не быть мнѣ имъ, заеже оружіемъ вашимъ возносимъ бываю, аки перьями?

КОТИСЪ, Царь Ѳракійскій, бѣ зѣло вспыльчивъ, егдаже нѣкто принесе ему въ дарѣхъ много сосудовъ изрядныхъ стклянныхъ, съ любовію принялъ, и отдарилъ за нихъ, обаче видя быти вещи скудельны, перебилъ всѣ самъ до одного.

Всѣмъ же о томъ дивящимся, рече: Для того перебилъ, дабы впредь не гнѣвался я на тѣхъ, которые бы ихъ перебили.

Разумному надобно знать примѣты въ себѣ и за ранѣе то отвесть отъ себя, что можетъ на недоброе его привесть.

АМАСИСЪ, Царь Египетскій, услышавъ нѣкоего плачуща по сынѣ своемъ, рече къ нему: Аще тогда ты не жалѣлъ его, егда на свѣтѣ его еще не было а нынѣ напрасно тужишь, егда умеръ.

КРЕЗЪ, Царь Лидійскій, егда побѣди его Царь Перскій, Киръ, градъ его взя, узрѣвъ воевъ шатающихся по граду и грабящихъ, вопроси Кира, что есть сіе, Киръ отвѣща: Твой градъ плѣнятъ? Крезъ рече: Не мой, тутъ бо ужѐ моего ничего нѣтъ, а что берутъ, то все твое.

Тою рѣчью подвигся Киръ, и удержалъ воевъ своихъ отъ грабежа.

Егда Камвисій ровнялся отцу своему Киру, а иніи говорили, что и отца превосходитъ, Крезъ рече: По моему разсужденію не подобаетъ того равняти съ отцомъ, который не оставилъ послѣ себя сына.

ГЕЛОНЪ, Король Сикилійскій, егда на его статьяхъ Аѳиняне положитись не хотѣли, вознося древность и честь народа своего, съ тѣмъ отпустилъ Посла ихъ, рекъ: У васъ Государей много, только не имѣете кому государствовать, а занеже хощете лучше все держать,

жать, нежели части уступить, скажите Грекомъ, что весна увяла имъ.

Являя, яко Греки не имѣша такихъ юношей къ бою прохлада ради, якоже онъ имѣ на выборъ воевъ.

ДІОНИСІЙ, Король Сикилійскій, вшедъ въ чертоги сына своего, и узрѣвъ тамо много сосудовъ златыхъ и сребряныхъ обличи его, глаголя: Нѣсть въ тебѣ сыне сердца Королевскаго, яко по се время тѣмъ золотомъ и сребромъ, еже имаши отъ мене, единаго себѣ пріятеля не снискалъ еси.

Вшедъ въ капище, и узрѣвъ образъ Ескулапіевъ [егоже языцы почитали вмѣсто бога врачевствъ,] съ великою брадою златою, отнялъ у него, рекъ: Не къ дѣлу Эскуляпію запущать бороду, понеже и отецъ его Аполлонъ безъ бороды пишется.

Тожже съ кумира Зевесова снялъ верьхнюю одежду золотую, и положилъ суконную, рекши: Въ золотой одеждѣ зимою студено, а лѣтомъ тяжко, въ суконной лучше, понеже и студеному и лѣтнему времяни служитъ. Также золотыя чаши и вѣнцы, яже кумиры держали протянувъ руки, аки кому подая поотобралъ; глаголя: Я не отнимаю,

маю, но что мнѣ даютъ, то беру, понеже великая глупость не брать бы у тѣхъ, что подаютъ, и у которыхъ обыкли мы просить.

ДІОНИСІЙ юнѣйшій зѣло любляше Философы, но занеже бѣ мучитель, сверженъ бысть съ королевства. Егдаже вопрошаху его, аки ругаясь ему, что пособила ему Философія; отвѣща: То пособила, что толь велику премѣну щастія удобно понести могу. Иные въ премѣнѣ щастья въ отчаяніе приходятъ, Діонисій же яко бѣ не простъ, нещастіе свое со смиреніемъ понесе, и егда сверженъ бысть съ царства, имѣ школу въ Коринѳѣ, и оттуду имѣлъ пропитаніе. Тотже вопрошенъ, что яко отецъ бывъ обычнаго чину, учинился Королемъ, а онъ бывъ сыномъ Королевскимъ, королевство погубилъ; отвѣща:

Отецъ королевство свое мнѣ оставилъ, а щастія своего не могъ оставить.

АГАѲОКЛІЙ бѣ сынъ скудельника нѣкоего убогаго, егда же ему щастіе послужило, и бысть Королемъ Сикилійскимъ, всегда къ столу приказывалъ готовить при золоченыхъ кубкахъ и кувшин-

кувшинчики глиняные, на которые посматривая говаривалъ: Прежде дѣлалъ я сосуды скудельны, а нынѣ по щастїю и моею бодростїю довольно и златыхъ сосудовъ имѣю.

Не стыдился тѣмъ, яко бѣ обычнаго чина, и быстъ Король, паче же предъ очима восхотѣлъ имѣти ту вещь, которая бы ему на память приводила его обычное рожденїе и первые труды.

АРХЕЛАЙ, Царь Македонскїй, егда на пиру просилъ нѣкто его, да пожалуетъ кубкомъ, изъ котораго самъ пилъ:

Абїе повелѣ его взяти и отдать Еврипиду, человѣку ученому. Сей удивлься, иже кубка прошаше, рече къ нему Король: Ты достоинъ былъ просити его, и не улучилъ, а тотъ достоинъ да улучитъ, аще и не просилъ.

Есть на то разумное смотрѣнїе Вельможѣ жаловать, нетокмо челобитчиковъ, но и тѣхъ, иже достойни суть милости, хотя и не просятъ.

ПОРЪ, Царь Индїйскїй, егда Александръ Великїй побѣдилъ его, и вопросилъ: Како хощетъ съ нимъ поступать, и что съ нимъ сотворитъ имѣя его въ рукахъ; отвѣща:

Царски поступай со мною, и то твори, что день сей тебѣ совѣтуетъ, вонье же самымъ дѣломъ ты искусился о мнѣ. Како человѣческое щастiе есть обманчиво и зѣло слабо, се недавно быхъ Царь, а теперь плѣнникъ.

Сiя слышавъ Александръ, удивися цѣломудрiю и благородному сердцу его, и возврати ему царство его, больше прибавя пространства, нежели прежде стяжа.

БРЕНЪ, Король Французовъ древнихъ, еще языческихъ, егда надокучилъ Римлянамъ, и къ созиданiю града Римскаго зѣло ихъ нудяше, Римляне такое перемирiе съ нимъ учинили: хотѣли имъ дать тысячу фунтовъ злата, а ему бы отъити отъ нихъ со всемъ воинствомъ, и егда вѣсить начали злато, Бренъ Король на однихъ вѣскахъ положилъ мечь свой, дабы вѣсу прибыло. Сiя видѣвъ Римлянинъ Сулпицiй, вопроси: что есть се? Бренъ сице отвѣща: Ино ничто есть, токмо безчестiе побѣжденнымъ.

ѲЕМИСТОКЛIЙ, Князь Аѳинскiй, егда Адимантъ отрицаяся бою на мори; рече: То де правда, тѣхъ безчестно укоряютъ,

ютъ, которые помыкаются на бой, сице ему отвѣща: И то правда, которые хоронятся отъ бою, и тѣ никакихъ почестей не сподобляются.

Сватались два юноши къ дочери его, одинъ богатъ мѣлкаго разума, другой убожае, но добръ и не глупъ, онъ миновалъ богатаго, выдалъ за убогаго.

Сему нѣкимъ дивившимся, рече Ѳемистоклій: Хощу лучше человѣка, которому надобны деньги, нежели денегъ, которые требуютъ человѣка.

Тоже говаривалъ, яко чиноначальники и дѣльные и храбрые люди, суть подобны древамъ яворовымъ, занеже яко во время ненастья, чернь бѣжитъ подъ древо вѣтвяно, а егда красенъ день, тогда его ломаютъ; подобно и во время опасное вси прибѣгаютъ подъ оборону начальниковъ и храбрыхъ, а егда минетъ брань, тѣхъ же поносятъ, и мало почитаютъ.

Се бысть и Еотѣ Воеводѣ отъ Еврей, Фокїону отъ Грекъ, Камильлю и Скипїону отъ Римлянъ.

АРИСТИДЪ имѣ съ нѣкимъ соперникомъ своимъ дѣло передъ Сигклитомъ Аѳинскимъ, и кой часъ предложилъ дѣло, Сигклитъ тотъ часъ хотѣлъ сказать

приговоръ

приговоръ по Аристидѣ, бѣ бо склоненъ къ нему, но Аристидъ отрече, глаголя: Прошу перво послушайте противной стороны, какъ законъ учитъ.

Тойже судилъ дѣло нѣкое, а истецъ тогда выговаривалъ сопернику своему, что за очи безчестилъ Аристіда, хотя и Аристида въ ненависть какъ привесть; сице на то отвѣща: Не вступая въ слова, о своей обидѣ говори, аще имаши что, я нынѣ сижу на судѣ твоего дѣла, а не моего.

Егда Аристида Аѳиняне послали въ ссылку, прощаясь съ любезнымъ отечествомъ, и хотя уже изъити, воздѣвъ руцѣ къ небеси, рече: дай боже, чтобъ во всемъ щастилось Аѳиняномъ, дабы никогда не помянули Арисшида.

Не проклиналъ Аристидъ, ни мстилъ обиды своей, яко иные обыкли въ такомъ случаѣ творити, только желалъ того, чтобъ безъ него дѣлало дѣлось. Егда бо человѣка годнаго люди избудутъ, потомъ при бѣдѣ поминаютъ, и желаютъ имѣти у себя, какъ и тѣмъ случися къ тому, что послѣ того въ три года Аристида отъ изгнанія призвали, и его начальнымъ надъ собою учинили. [Егда Царь Персидскій съ великимъ воинствомъ иде на Греческую землю.]

ПЕРИКЛЪ Князь Аѳинскїй, Государь премудрый и правдивый, на всякъ день возлагая на себе одежду, обыклъ самъ себѣ глаголати: Помни Перикле, яко надъ свободнымъ народомъ господствуеши.

Той же при самой кончинѣ житїя своего, рече: Не по малу о томъ веселюся, что никто отъ Аѳинянъ моея ради причины въ кручинномъ не ходитъ платьѣ.

ИФИКРАТЪ бѣ убогаго дому, ни по достоинству, но того дошолъ, что Аѳиняне выбрали его за Государя, егоже укоритель нѣкїй Гармодїй тѣмъ укори, отвѣща ему: Мой родъ отъ мене зачался, а твой на тебѣ скончался.

ЕПАМИНОНДЪ Князь Ѳиванскїй, во время праздника, всѣмъ въ роскошь вдавшимся, онъ единъ трезво прохождаше по граду, аки би о чемъ размышляя. Единъ же отъ Вельможъ стрѣтивъ его попросилъ: Почто тако печаленъ, и веселыя мысли не употребляешь? отвѣща: Понеже вы всѣ пьяни прохлаждаетеся, ни откуду ничего не опасаясь. Властелину подобаетъ всегда

быть трезву, понеже онъ стражъ и оберегатель всего общенародія.

Егда Артаксерксъ, Царь Персідскій, послалъ ко Князю Ѳиванскому великое число денегъ, хотя его себѣ привабить, но Князь не восхотѣ отъ него пріяти, и такъ къ нему донесть приказалъ: Аще Царь доброжелателенъ общенародію Ѳиванскому, то и такъ будетъ меня имѣти друга, а ежели инако, то непріятеля.

АННИБАЛУ, Князю Карѳагенскому, бывшу у Царя Антіоха, показа ему Царь своя воины зѣло стройны, Аннібалъ же гораздо всему присмотрѣся. Вопросилъ его Антіохъ, довольно ли сего воинства на Римлянъ; Аннібалъ рече: Такъ чаю, что будутъ имѣть довольно, хотя тѣ Римляне суть люди и зѣло прихотливы, но воистинну ненасытни.

Возвѣщая, что оружіе златое и сребряное больше манитъ непріятеля къ себѣ, нежели устрашаетъ.

ТИРЕЗЪ, Князь Кельтіцкій, егда Сціпіонъ Афріканскій плѣнивъ Алтіберсовъ, взялъ стольный градъ Нумантію, вопроси его: Для чего прежде сего Нумантія была сильна, а потомъ такъ ослабѣла,

бѣла, что въ чужія руки пришла? отвѣщалъ: донелѣже миръ среди Нумантянъ цвѣлъ, дотолѣ и побѣду имъ давалъ, а какъ вражда межъ ними учинилась, тогда пришли въ пагубу.

Всякое государство ничемъ такъ скоритъ къ паденію, яко враждою и расторженіемъ, еже знаетъ надъ собою Греческая земля, Венгерское королество и иныя государства.

СЦИПІОНЪ старѣйшій Воеводѣ Римскому плѣнившу новую Карѳагену, привели воини его зѣло прекрасну дѣвицу, хотя тѣмъ ему угодити, но не восхотѣ ея отъ нихъ пріяти, глаголя; зѣло бы я радъ ее принять отъ васъ, естьли бы рядовымъ человѣкомъ былъ, а не Воеводою.

Егда на него Петілій и Квинстъ жестоко предъ всѣмъ сигклитомъ доводили, и много обличали, ничего не похотѣлъ на ихъ жалобу отвѣщать, токмо рече: Въ сій день господа Римляне побѣдили Аннибала крѣпкаго непріятеля и Карѳагену, сего ради воздѣвъ на себя вѣнецъ, иду въ крѣпость Капитолійскую, жертву принести Зевесу верьховному, аще ли кто хощетъ на мнѣ искати, да ищетъ. И тако не

дослушавъ тѣхъ, что на него доводили, шелъ въ Капитолїумъ, надѣясь на великія свои службы, общенародїю явленныя, и абїе вмѣсто жестокости суда улучилъ, что вси ввели его съ великою радостїю въ крѣпость, и вмѣсто еже подобаше ему смиритися, занеже много жалобъ было; онъ ихъ ни во что вмѣняя, а свои первыя великїя службы явѣ предлагая, торжествовалъ, и доводчиковъ уничтожилъ.

ПОМПЕЙ Великїй, егда Царь Пареской домогался чрезъ своихъ Пословъ, дабы извѣстнымъ рубежемъ государства Римскаго, была рѣка Евфратъ, сице на то рекль: Паче о томъ было просить, дабы Римское государство отъ царства Пареянамъ удѣлило правды.

Являя, что Римляне только пристойности смотрѣли, а къ разпространенїю государства ничто имъ помѣшкою быть не могло.

Тогда же великой дороговлѣ бывшей въ Римѣ, и ужé наступающу гладу, хотя споможенїе учинить отечеству, отъиде водянымъ путемъ въ Сардинїю и въ Сицилїю, и собравъ тамъ множество хлѣба, спѣшилъ въ Римъ, а какъ корабленники великихъ ради обуреванїй морскихъ

скихъ не хотѣли ѣхать, Помпей единъ пустился съ кораблемъ своимъ, рекъ, великая нужда гонитъ насъ къ тому, чтобъ ѣхали, а чтобъ здравія берегли, къ тому насъ ничто не нудитъ.

Подобаетъ лучше беречь здравія отечествія своего, паче своего притоманнаго.

МАРКО ТУЛЛІЙ ЦИЦЕРОНЪ, Сенаторъ Римскій, первый вѣтія государства Римскаго, егда Метеллій обличи его, что больше людей погубилъ свидѣтельствомъ своимъ, нежели оборонилъ краснословіемъ своимъ, симъ образомъ отвѣщалъ ему: Тако есть, занеже больше почитаю вѣрность, нежели краснословіе.

Свидѣтелю прилична незыблема вѣра, а настоятелю краснословіе.

Обычай бѣ Римляномъ на всякъ годъ выбирать отъ себя двухъ въ верьховные начальники, кромѣ Диктаторъ, иже все правленіе государства Римскаго на себѣ имѣли, случися яко нѣкій Каній на тотъ чинъ бѣ избранъ, но токмо на немъ былъ всего день единъ, и Цицеронъ бывъ человѣкъ дворный, сице о немъ рече: Воистинну Канія имѣли мы правителя зѣло бодра, у котораго во все время правленія его, не постигъ сонъ очей его.

Въ тотъ же чинъ егда избранъ былъ Ватіній, а не долго былъ, токмо дней нѣколико, Ціцеронъ такъ рече: Немалое чудо сотворися въ лѣто Ватініево, что при правленіи его ни зимы, ни весны, ни лѣта, ни осени не было.

Нѣкія рѣчи полезныя изъ книгъ его выбраны.

Всякая доброта на дѣлѣхъ состоится.

Что земля родитъ, то все во употребленіе человѣческое.

Войну не для инаго чего надобно начинать, только чтобъ люди мирно и правдою послѣ жили.

Паче свободы и великаго смысла ничто есть естеству человѣческому.

Приличняе намъ таковыя свободы употребляти подобаетъ, которая бы пріятелемъ была пріятна, а никому не вредила, да и свобода не больше бы силы была.

Что кому належитъ, тѣмъ ему платить, есть основаніе правды: ничто же поистиннѣ честно, естьли неправедно.

Отъ всякаго товарищства нѣтъ ни единаго крѣпльшаго и надежнѣйшаго, точію, егда мужіе добріи единомысленныхъ нравовъ сообщеніемъ связаны.

безъ

безъ брани на общую пользу приводить потребно того, и опасати надобно, чтобъ наказанiе было не больше провинки, и гнѣвъ запрещаемъ есть, наипаче при наказанiи.

Тiи судiями быть достойни, иже не гнѣвомъ, но правдою дѣла дѣлають.

Велика сила правды, ибо и воры межъ собою держатся частицею правды, и естьли бы здобычь неправдою дѣлали, то другъ друга до смерти убилъ бы.

КАТОНЪ Керсоний повѣда, что человѣкъ разгнѣванный, ничемъ разнится неистоваго, только тѣмъ, что неистовство долѣ держится, нежели гнѣвъ, того ради и Орацiй наричетъ гнѣвъ краткимъ неистовствомъ.

Ярость есть бѣснованiе краткое, тѣмъ ты сердце твое удержи, аще хощеши не быть въ неволѣ у нее.

Тотъ же Катонъ отъ всѣхъ своихъ дѣлъ, что во все житiе свое дѣлалъ, трехъ только вещей жалѣлъ:

1) Что тайну женѣ иногда повѣрилъ.

2. Что тамо водою ѣхалъ, гдѣ мочно сухимъ путемъ ѣхать.

3. Что единъ день всуе прожилъ.

Повѣсти его:

Общее добро лучше нравами, неже одеждою и оружїемъ тѣло соблюдено быти имѣетъ.

Сенаторамъ своимъ сказывалъ: разумно совѣтуйте, да своими трудами что доброе и полезное здѣлаете, трудъ бо скоро отъ васъ отступитъ, а что доброе сотворите, то при васъ до смерти останется.

Четыре вещи суть потребны къ соблюденїю общаго добра, се есть, добро творити, добромъ поступати, добродѣтельно питати и добрѣ орати.

МАРСЇЙ, Воевода Римскїй, тысячу Камериновъ, иже храбро съ Кимбрами бились, почтилъ тѣмъ, дабы тойже вольности употребляли, которой и Римляне, а въ то время въ велико то почитали быть Римляномъ. Егда же нѣкїе о томъ вознегодовали, что то выше закона ихъ сотворилъ Марсїй, рече: Я нынѣ за громомъ ружья не могу слышать голосу законовъ, древняя пословица: въ войну молчитъ судъ.

МАРКО Курцїй, егда улучилъ побѣду надъ Самнитяны, послали они къ нему

нему Пословъ, посылая ему въ дарѣхъ много злата.

Онъ же не восхотѣлъ принять, давъ таковъ Посламъ отвѣтъ: Лучше государствовати надъ тѣми, которые имѣютъ злато, а не златомъ владѣть.

ПАВЕЛЪ Емилій, честенъ Воевода Римскій, вшедъ въ Македонію, и видѣвъ полки непріятельскіе въ строю стоящіе, не восхотѣлъ сразитися.

Егда же товарищъ его языка совѣтовалъ ему, да ударитъ на непріятеля, Емилій тако рече: Учинилъ бы я, естьли бы былъ въ тѣхъ лѣтѣхъ, какъ ты.

Но занеже бывалъ я на многихъ бояхъ, научился тому, что съ людьми на пути утружденными, ударить на свѣжихъ людей зѣло не дѣльно.

Тотъ Емилій былъ господинъ щедрый, егда ему Греки дивились, что великимъ довольствомъ обыклъ пиры чинить для своихъ.

Сице рече къ нимъ: Обое се доброму Воеводѣ прилично, и полки умѣть устроить на бой, да будетъ страшенъ непріятелю, и пиръ чинить для своихъ, дабы имѣлъ любовь отъ всѣхъ.

МАРКО Лівій, егда порази Аздрувалля Князя Кароагенскаго, совѣтовалъ ему нѣкто, дабы до основанія вся вои Кароагенскіе избилъ, чтобъ ни нога не ушла, онъ не прiявъ совѣта ихъ, рекъ: Пусть иные живы останутъ, которые о побѣдѣ нашей надъ ними непріятелямъ возвѣстятъ.

Кто языкомъ много шурмуетъ,
Тотъ не много навоюетъ.

ПАРМЕНІОНЪ, Воевода Филипа Царя Македонскаго, егда много Грековъ собравшеся предъ полаты Царскіе, Царю въ день въ чертогахъ почивающу, негодовали, что скоро къ Царю не допущены для его покоя.

Сице его предъ ними оправдалъ: Не дивитеся, что теперь спитъ Царь, занеже егда вы спали, онъ тогда за васъ на сторожѣ былъ.

КНИГА ТРЕТІЯ,

ВЪ НЕЙ ЖЕ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ

ПОВѢСТИ ЛАКЕДЕМОНСКІЯ.

Лакедемоняне [донелѣже Греческая земля стояла,] всѣхъ въ витійствѣ превосходили, и тому обучалися, дабы краткими словесы, много дѣла заключати могли, разумѣя, что не тако общенародія долгія рѣчи красятъ, яко честныя дѣла, сего ради мало говорили, а много дѣлали. Тѣмъ же иныхъ народовъ храбростію, мѣрностію, воздержаніемъ и иными изрядными примѣты превосходили.

ИХЖЕ ПОВѢСТИ СІЯ СУТЬ:

ЛИКУРГЪ [иже законы Лакедемоняномъ *предаде*, и вся во общенародіи устроилъ,] вопрошенъ, чего ради обычными вещьми жертвы творити повелѣлъ; отвѣщалъ: Дабы намъ всегда становилось того, чемъ бога хвалить.

Той же, егда хотѣли отъ него увѣдать, почто въ уложенѣ запретилъ, дабы Лакедемоняне подъ башню къ приступу не ходили; сказалъ: Дабы люди храбрые

храбрые отъ бабъ или отъ малаго робенка убиты не были.

Вопрошенъ: Для чего уставилъ, дабы дѣвицъ безъ приданаго давали; отвѣща: Дабы въ нищетѣ ими не гнушались, ни для животовъ лишнее ихъ брали, но на учтивые ихъ нравы смотрѣли.

АГЕСИЛАЙ, Царь Лакедемонскій, вопрошенъ, какъ бы Государь не держа великихъ полковъ людей, моглъ владѣть безопасно; отвѣщалъ: Ежели такъ поступать будетъ съ подданными, какъ отецъ съ дѣтьми, ибо добрый владѣтель не разнится отъ отца.

Вопрошенъ: Чего ради общенародіе Лакедемонское паче иныхъ цвѣтетъ; отвѣща: Понеже больше въ томъ Лакедемоняне обучаются, дабы и повелѣвати и послушными быти умѣли.

Той же вопрошенъ: Како бы человѣкъ у людей моглъ имѣти добрую славу; отвѣщалъ: Аще бесѣдовать станетъ о добрыхъ дѣлахъ, а дѣлать начнетъ что лучшее.

Тотъ же Агесилай обыклъ глаголати: чиноначальнику подобаетъ противу упорныхъ употреблять жестоты, а о смиренным являть милость.

Тотъже

Тотъ же вопрошенъ: Что доброму Воеводѣ подобаетъ имѣти; отвѣща: Дерзость противу непріятеля, и смотрѣніе въ томъ, какъ ударить на него.

КИКЕРОНЪ рече: Доброму Воеводѣ подобаетъ имѣти ученіе воинское, храбрость и щастіе.

На войнѣ Левктрцікой егда многи Лакедемоняне бѣжали съ бою, а таковымъ по уставу надобно было казненымъ быть, Сүгклітъ Лакедемонскій усматривая, что служивые люди послѣ того великаго побоища зѣло надобны были, хотѣлъ въ томъ ихъ простить, только чтобъ уложенія не поколебать. А понеже въ то не могли угодити, опредѣлили Агесилаю новые уставы уставить, но Агесилай рече къ Сүгкліту: Къ тѣмъ, яже имаше, ни прибавить, ни убавить, ни премѣнить ихъ думаю, однакожъ вижу то быть съ прибылью общенародія, дабы тѣ уставы отъ утрешняго дни всегда при своей силѣ соблюдены были. Сице премудрый Государь нуждѣ рѣчи посполитой угодилъ, и уставы въ цѣлости соблюлъ.

Той же Агесилай, егда уже бѣ близъ смерти, повелѣ, дабы по смерти его

его ни единаго кумира въ память его не ставили, сице рекъ: Аще что доброе въ житіи моемъ я сотворилъ, будушъ памятовать, аще же ничего, то хотябъ премного наставили образовъ, не учинятъ того, дабы была славна память моя.

Древніи язычницы въ память людей честныхъ, ученыхъ или храбрыхъ ставили изрядные образы, оттуду столпы, которые еще и доднесь во Египтѣ, въ Римѣ, въ Царѣ градѣ стоятъ, но Царь Агесилай возмнѣлъ, что лучше человѣкъ быти можетъ въ памяти человѣческой честными дѣлами, неже такими кумирами.

АГИСЪ Царь, егда хотѣлъ сразитися съ непріятелемъ, мнози претили ему, показуя, что много больше людей съ противной стороны, нежели у него, но онъ совѣта ихъ не послушалъ, рекъ: Надлежитъ тому противъ многихъ ополчатися, иже хощетъ быть многихъ людей Государемъ.

Во общенародіи Лакедемонскомъ были таковы чиноначальники, до которыхъ и отъ Царя вольно было переносить дѣло, которыхъ и самъ Король повиненъ былъ слушать, тіи зовоми

были Ефоры. Егда же того Агія по своей власти тѣ Ефоры послали Посломъ къ Филиппу Царю, единъ точію къ нему иде.

Сему Царь Филиппъ удивлся, рече: Что таково дѣется, что единъ ты точію пришелъ; Агій отвѣща ему: Единъ пріидохъ, понеже къ единому тебѣ пріидохъ.

АЛКМЕНЪ вопрошенъ: Какимъ бы образомъ кто моглъ какъ лучше утвердить свое государствованіе; отвѣща: Ежели на посулы кто не будетъ падокъ.

Мисніане, занеже Лакедемоняномъ правды не додержали, и часто отъ нихъ отрывались, Лакедемоняне зѣло ихъ утѣсняли, а поистиннѣ невольничье иго на нихъ возложили, дабы впредь изъ подпослушанія не выбивались. Сему цѣльбы они искавъ, послали Алкмену Царю Лакедемонскому дары немалые, ихъ же онъ не хотя отъ нихъ пріяти.

Вопрошенъ: Для чего такъ дѣлаетъ; отвѣща: Естьли бы отъ нихъ взялъ подарки, то бы со уложеніемъ общенародія миру имѣти не моглъ.

АНАКСИДРИДЪ вопрошенъ: Почто судьи Лакедемонскіе долго сѣдя думаютъ о смерт-

о смертной кому казни, и хотя судъ не найдетъ виннымъ, отвѣтчикъ однако у суда стать долженъ; отвѣща: Для того долго разбираютъ, естьли бы въ немъ нѣчто погрѣшили, уже бы исправитись не могли, а отвѣтчикъ въ судѣ стать долженъ, для того, по времяни либо можетъ что на немъ объявитись знатное.

Тѣмъ времянемъ и тому предварено, дабы не винный смерти не дошелъ, а винной бы не выкрутился.

АНАКСАНДРЪ вопрошенъ: Для чего Лакедемоняне не збираютъ денегъ въ казну; отвѣща: дабы не портились тѣмъ люди, которые казначеями будутъ.

АНТАЛКИДЪ вопрошенъ, какъ бы всѣмъ людемъ угоденъ былъ; отвѣща: Инако не угодить, токмо егда въ рѣчахъ своихъ все ласковыхъ словъ употреблятии будетъ, а то дѣлать станетъ, что есть полезнѣе.

Кто хочетъ имѣти милость, долженъ таковыхъ словъ употреблять, а всегда себѣ прибыли искать.

АРХИДАМИДЪ услышавъ нѣкоего, иже хулитъ Геката Витію за то, что на

бесѣдѣ

бесѣдѣ въ рѣчь не вступалъ, отвѣща: Не вѣси ли яко умѣяй ученіе Витійственное, умѣетъ и время избирать, когда говорить.

Искусному человѣку время говорить на консиліи, въ Синклитѣ, на сидѣніи при судахъ, а на бесѣдахъ, идѣже всѣ говорятъ, а никто не слушаетъ; лучше молчать или мало вѣщать.

АРХИДАМЪ сынъ Агесилаевъ, егда ему отъ Филиппа Царя Македонскаго, послѣ славной баталіи, бывшей подъ Херонією, принесли листъ грозенъ и жестоко писанъ, отвѣща: Егда стѣнь твою измѣриши, ни коими мѣрами не найдешь, чтобъ была больше, токмо какова и предъ побѣдою,

Являя, яко не подобаетъ надѣятися о томъ, егда щастіе послужитъ, понеже зѣло отмѣнно.

Ибо щастіе аки стекло, аще и свѣтло, однакожъ крушится.

Въ государствѣ Лакедемонскомъ такое чиноначаліе бѣ нарицаемое ефорія, что и Королямъ, естьли бы выше устава занеслся, не наровили, но отъ престола отставливали и во изгнаніе посылали, тоже егда досталось и ДЕМОКРАТУ вопроси его нѣкто: Почто изгнаніе тер-

питъ, бѣ бо Король; на сія онъ рекль: Того ради, что въ Лакедемонскомъ общенародіи силу имѣютъ законы больше Короля.

Тойже Демократъ вопрошенъ, хотящіи изыити на брань, почто прежде приносятъ жертву музамъ, а музамъ нѣчего дѣлать съ Марсомъ; такъ то вывелъ слово: Того ради се творятъ, дабы честная память о ихъ храбрости и великихъ дѣлахъ ихъ слыла.

Музы людемъ храбрымъ суть въ красоту, занеже ихъ храбрость и доблесть письмами своими славны у наслѣдниковъ творятъ, и того ради у древнихъ Князей и Воеводъ храбрыхъ и у иныхъ людей, ученые люди въ великой чести были, иже добродѣтели и дѣла великія людей достойныхъ въ письмахъ своихъ хвалить, и ихъ безсмертною славою дарить обыкли, таковіи веліими дарами одарени бывали, ибо за одну рѣчь Сократу Витіѣ дали полъ 3000 червонныхъ золотыхъ.

ГОРГІЙ Леонтинъ такъ отъ ученія своего обогатѣ, что отъ злата одного вылилъ свой образъ величиною каковъ самъ, и поставилъ въ Дельфѣ.

ѲЕО-

ѲЕОПОМПЪ услышавъ нѣкоего глаголюща: Для того де общенародіе Лакедемонское долго стоитъ, что Цари ихъ умѣютъ повелѣвати.

На сіе сице имъ сказа: Наипаче для того, что жители того народа умѣютъ Государемъ своимъ послушаніе творить.

ТЕКТАМЕНЪ, егда Ефори, верьховный судъ Лакедемонскій, своимъ приговоромъ осудили на смерть его, иде отъ суда смѣясь.

Нѣктоже отъ непріятелей его, вмѣняя то себѣ въ обиду, рече: Еще ли ругаетъ законы Ликурговы, отвѣща: Ни, но смѣюся тому, что такую вину сказали мнѣ, которую заплатить могу ни у кого не займуя.

ИППОКРАТЪ, егда совѣта просилъ Епархъ Карій, что ему съ такимъ Лакедемоняномъ творить, которой вѣдая о измнѣнѣ на него творимой, не остерегъ его, тако отвѣща: Естьли имѣлъ отъ тебя благодѣянія великія, и за то тебя не остерегъ, смертію казни, а естьли не имѣлъ, изъ своей страны изгони, яко несмѣющаго добро сотворити.

КЛЕОМЕНЪ, егда къ нему пришли Послы отъ Самїовъ, и долгую рѣчь говорили совѣтуя, дабы воздвиглъ войну на Поликрата.

Тако имъ отвѣща: Что вы въ началѣ вашей рѣчи говорили, того не помню, а что среди рѣчи предложили, того не разумѣю, а что сказали на концѣ, то мнѣ не прилично дѣлать.

Продолженная рѣчь трудитъ умъ человѣчь, всему красота мѣрность.

Нѣкто мудрецъ разсказывалъ предъ Клеоменомъ о храбрости, онъ же тому посмѣялся; рекшу же мудрецу къ нему: Что смѣешися слушая о храбрости, тебѣ бо яко Царю прилично такими рѣчьми забавлятися.

На сїе отвѣща: Для того, естьли бы о той вещи бесѣдовала ласточица, смѣясь бы тожъ сотворилъ, а ежели бы о томъ разсказывалъ орелъ, то его съ великимъ прилѣжанїемъ слушалъ бы.

Показалось ему не дѣльно, чтобъ тотъ разсказывалъ о храбрости, кто не бывалъ на войнѣ.

Говори корабельникъ о вѣтрахъ, оратой о быкахъ, считай воинъ раны, а пастухъ овцы.

ЛЕОН-

ЛЕОНТИХИДЪ вопрощенъ, какъ бы человѣкъ свое имѣнїе моглъ соблюсти; отвѣща: Такъ соблюдетъ, естьли не все будетъ вѣрить щастью.

Весьма бо надѣятися на щастїе опасно, ибо часто обманываетъ.

богатые купцы желая большихъ богатствъ, и все ввѣря кораблю въ нищету приходятъ.

ЛЕОНЪ вопрошенъ, въ коемъ общенородїи безбѣдняе жить; отвѣща: Гдѣ все въ равнѣ и правда сильна, а неправда слаба.

ЛЕОНИДЪ сразитися имый съ Персяны, ихъ же бѣ велїе число воинства, рече ему нѣкто отъ воевъ: Толико множество воевъ Перскихъ, яко отъ стрѣлъ ихъ и солнца не будетъ видѣть, на сїе рекъ: Что же дѣлать, то намъ лучше, что съ ними биться будемъ въ холоду а не въ жару.

ЛИСАНДРЪ вопрошенъ: Кое ему общенародїе лучше показалось; отвѣща: Гдѣ храбрымъ воинамъ надлежащее мздовоздаянїе творятъ, а не дѣльнымъ какого достойни.

Общенародіе тѣмъ больше цвѣтетъ, егда люди достойные суть въ почитаніи и доброе воздаяніе пріемлютъ, а бездѣльники небрегоми бываютъ.

Изрядный Философъ Платонъ, дабы людіе къ честнымъ дѣламъ жалованіемъ и воздаяніемъ изъ млада взыскиваны были, учитъ сице пиша.

Иже суть отъ юношей лучшіи въ воинскихъ дѣлахъ, или во иныхъ какихъ, таковіи жалованіемъ быти почтени имутъ.

НАМЕРТЕСЪ вопрошенъ: Какъ бы отвсюду оградивъ себя пріятельми могъ искусить, иматъ ли друга вѣрна; отвѣща: Всего лучше всякъ искуситъ друга вѣрна во время нещастія.

Егда щастливо поведеніе кому, не знатно, кто другъ непремѣнной и кто времянной, но кой часъ нещастіе приключится, тогда знатно постоянство дружне. Того искусився Овидій на многихъ мѣстахъ негодуетъ на нѣкоего не додержавшаго дружбу.

Егда время кому служитъ, и лице свѣтло являетъ;

Тогда всякъ тому главу преклоняетъ.

Сему минувшу, аки бы не знали,

Бѣгутъ прочь, и иже кому предстояли.

Во благо время мнози друзи бываютъ,
А въ безвремянствво и свои отбѣгаютъ.

ПАВСАНІЯ, егда нѣкоторые изгнанные изъ Аѳинъ, вели его къ тому, дабы войну поднялъ на Аѳинянъ и свое безчестіе отмстилъ, учиненное тому на играхъ Олмипійскихъ, того совѣта ихъ не послуша, рекъ: Аще мнѣ то сотворили, егда съ ними добромъ поступалъ; чаетели ихъ мнѣ доброжелательныхъ быть, аще имъ зло кое сотворю. О семъ писано: благоразумнаго то дѣло, еже бы не вредить никого, аще и сила ему есть.

ТЕЛЕКРЪ вопрошенъ: Чего ради у Спартянъ хранится то, еже бы юніи старому человѣку честь воздавали; отвѣща: Дабы обыкли почитать родителей своихъ.

Ибо въ судъ такова вольно было приволочь, кто бы младъ былъ, шапки не снявъ, или не всталъ предъ старѣйшимъ, за что и наказаніе воспріимали.

ТѢже ЛАКЕДЕМОНЯНЕ, егда пріимше верьхъ надъ Аѳиняны, градъ ихъ плѣниша, просили Аѳиняне, дабы единъ островъ точію рекомый Самосъ при нихъ оставили, на сіе отвѣщали: Не дѣльно сіе

сїе творите, что сами вы не въ своей власти, а иныхъ подъ своею властїю имѣти хочете.

Нѣкто отъ Лакедемонянъ на бою догоняя раздвоенныхъ непрїятелей, въ единомъ изъ нихъ хотѣлъ мечь утопить, при семъ затрубили на отворотъ, онъ же услышавъ удержалъ мечь свой, нѣкимъ же сего зазрѣвшимъ, что имѣя непрїятеля въ рукахъ, не убилъ его, на сїе отвѣща; Лучше конечно быть послушну предъ Воеводою, нежели непрїятеля убить.

У древнихъ Римлянъ жестокое бѣ ученїе воинское, яко дерзнувый что лишше артикула воинскаго и Воеводскаго повелѣнїя, аще бы и велїю храбрость явилъ, обаче жестоко наказанъ, а иногда и смертїю казненъ былъ.

Единаго времене во Аѳинѣхъ дѣйствуемой комедїи, единъ старикъ хотя оныя посмотрить, пришедъ къ ѳеатру искалъ мѣста, гдѣ бы моглъ сѣсть, что видя Аѳиняне, разсмѣялися ему, и ни единъ ему мѣстомъ поступился; онъ же сѣмо и овамо ходя, прїиде къ мѣсту, идѣже сидѣли Послы Лакедемонстїи, и тїи предъ нимъ востали и съ честїю прїяли къ себѣ, что весь народъ похвалилъ.

При

При семъ единъ Лакедемончикъ старшій отъ оныхъ Пословъ, рече: Въ правду господа Аѳиняне видятъ, что есть добро и честно, но не творятъ.

ЛАЦЕНА послала сына своего на брань, и услышала, что онъ убитъ, рече: Того ради родихъ сына, дабы за отечество свое не боялся главы своей положити.

Лакедемончикъ вопрошенъ: Почто взялъ жену зѣло малаго возраста; рече: Того ради, что отъ двою злу избирая, лучше избрахъ меньшее зло.

Симъ показа, яко диво на свѣтѣ жена добрая.

РЕЭСТРЪ
ПО АЛФАВИТУ
людей мудрыхъ и рѣчей ихъ.

Архесилай

И.

К.

Л.

М.

Ти-

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде